

ОФИЦИАЛЬНАЯ НОВЕЛЛИЗАЦИЯ КИНОХИТА

ПЛАНЕТА ОБЕЗЬЯН ВОЙНА

ГРЕГ КОКС

ОСНОВАНО НА СЦЕНАРИИ МАРКА БОМБЭКА И МЭТТА РИВЗА
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЕРСОНАЖЕЙ РИКА ДЖАФФА И АМАНДЫ СИЛВЕР

ЧИТАЙТЕ КНИГУ — СМОТРИТЕ ФИЛЬМ!

Планета обезьян

Грег Кокс

Планета обезьян. Война

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Кокс Г.

Планета обезьян. Война / Г. Кокс — «Издательство АСТ»,
2017 — (Планета обезьян)

ISBN 978-5-17-104409-1

Предводитель обезьян Цезарь и его племя вынуждены вступить в смертельный конфликт с армией людей во главе с беспощадным Полковником. После того как обезьяны несут невообразимые потери, Цезарь берет верх над своими темными инстинктами и начинает собственный мифический поиск возмездия. В конце пути, наконец-то встретившись лицом к лицу, Цезарь и Полковник сойдутся в эпической битве, которая определит судьбу как их видов, так и будущего планеты.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-104409-1

© Кокс Г., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Грег Кокс

Планета обезьян. Война

Greg Cox
WAR FOR THE PLANET OF THE APES:
The Official Movie Novelization

Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Group Ltd.
www.titanbooks.com

Перевод с английского *Владимира Носова*

War for the Planet of the Apes™ & © 2017
Twentieth Century Fox Film Corporation All Rights Reserved.

КРАТКАЯ СПРАВКА ДЛЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

СЕКРЕТНО

Кому: РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ
От: [УДАЛЕНО]
Тема: ПРЕДЫСТОРИЯ ОБЕЗЬЯНЬЕГО КРИЗИСА

Пятнадцать лет назад неудавшийся научный эксперимент дал толчок развитию биологического вида разумных обезьян... и вирусу, который почти уничтожил человеческую расу. ОБЕЗЬЯНИЙ ГРИПП, как его стали впоследствии называть, поставил человечество на грань уничтожения. Немногие выжившие, те, у кого имелся иммунитет к заболеванию, могли позавидовать мертвым; обезьяны же продолжали благоденствовать, укрывшись в лесах к северу от САН-ФРАНЦИСКО.

На рассвете своей развивающейся цивилизации обезьяны процветали в отсутствие контактов с человеком, пока не были обнаружены небольшой группой несчастных, переживших катастрофу и пытавшихся основать свою собственную колонию. Колонисты и обезьяны прилагали максимум усилий к мирному существованию, но хрупкий мир разрушил КОБА, обезьяна-мятежник, желавший отомстить своим бывшим властителям. ЦЕЗАРЬ, общепризнанный вожак обезьян, попытался восстановить порядок.

Но отменить уже начавшуюся жестокую войну было невозможно.

Оказавшиеся в сложном положении колонисты рассылали отчаянные просьбы о помощи, не уверенные в том, что кто-либо эти просьбы услышит. Сигнал был принят почти в тысяче километров к северу, на ОБЪЕДИНЕННОЙ ВОЕННОЙ БАЗЕ ЛЬЮИС-МАКНОРД, где сотни солдат нашли убежище после вирусного апокалипсиса. Эти мужчины и женщины были всем, что осталось от ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ. В ответ на призыв о помощи для участия в боевых действиях было выслано усиленное боевое подразделение под командованием [УДАЛЕНО], награжденного орденами полковника военного спецназа. Цезарь со своими обезьянами отступил в лес, но их продолжали преследовать

с намерением уничтожить раз и навсегда. В течение двух лет солдаты безуспешно искали Цезаря, который, по слухам, руководил своими обезьянами с базы, расположенной где-то в глубине леса.

Война продолжала бушевать...

1

Густой сосновый лес пережил конец света. Цивилизация, вполне возможно, прекратила свое существование, но леса выстояли, не поддавшись эпидемиям, мятежам и беспорядкам, поставившим человечество на грань исчезновения. Гигантские деревья, на добрую сотню метров возвышавшиеся над погруженным в тень подлеском, казалось, издевались над стремительным падением человечества. Первобытный пейзаж оставался точно таким же, каким он был двенадцать лет назад, перед тем как все пошло к черту, каким он был пятьдесят, сто и даже пятьсот лет тому назад. Солнечный свет просачивался сквозь густой зеленый шатер над головой, наполненный пением птиц и неумолчным стрекотанием белок. Свежий зимний ветер шуршал листьями, ветвями и побегами папоротника. Сырая промозглая дымка холодила воздух.

Природа выдержала. Другой вопрос, выдержит ли человечество?

Звук шагов скрытно продвигавшегося сквозь заросли отряда вторгся в лесные владения. Опавшие ветки и листья хрустели под подошвами армейских ботинок взвода людей – солдат, взбиравшихся вверх по крутому, густо заросшему лесом холму. Они старались делать это как можно тише, насколько это было возможно среди обильной растительности. Солдаты двигались молча, даже дыхание сдерживали. Хмурые мужчины и женщины крепко сжимали в руках кто винтовку, кто боевой арбалет. Усталые глаза пристально вглядывались в сумрачный лес, остерегаясь любой могущей внезапно появиться опасности. Потрепанные камуфляжные костюмы, нуждающиеся в починке, говорили о долгих и тяжелых военных буднях. Лица вымазаны черной маскирующей краской, скрывавшей черты лица и лишавшей человека всякой индивидуальности. На помятых кевларовых шлемах были выцарапаны разные знаки и девизы:

«УБИЙЦА МАРТЫШЕК»

«БОНЗО ПОРА СПАТЬ»¹

«ВЫМИРАЮЩИЙ ВИД»

«УВИДЕЛ МАРТЫШКУ – УБЕЙ».

Бойцов объединял одинаковый символ, АΩ. У одних эти греческие буквы были выведены на одежде, другие накололи их на руке или на коже – но все носили эту эмблему с гордостью. Не сделать этого было бы предательством, и не только своего подразделения, но и всей человеческой расы. Этот символ был постоянным напоминанием о том, что стояло на кону, – и о немислимых последствиях проигрыша.

Шедший впереди разведчик внезапно остановился и прицелился. Шепнул что-то своему командиру, находившемуся в нескольких шагах от него.

– Капитан!..

Капитан Род Вилсон, некогда военнослужащий Армии Соединенных Штатов Америки, поднял руку, приказывая остальным членам группы остановиться. Это был покрытый морщинами ветеран военных действий, который вряд ли мог предположить, что срок его службы продолжится после конца света. Стараясь понять, что заметил разведчик, он поспешил вперед и встал рядом с солдатом, показывавшим на косогор перед ним. Вилсон вскинул штурмовую автоматическую винтовку М-16 и, посмотрев в прицел, увидел врага.

¹ Комедийный фильм 1951 года, рассказывающий о попытке профессора психологии научить шимпанзе принципам человеческой морали. Главную роль исполнил будущий президент США Рональд Рейган.

Три обезьяны – шимпанзе, если говорить точнее, – расположились на гребне холма, метрах в пятидесяти. Пара шимпов стояла на часах, третий поил лошадей из журчащего ручья. Один из сторожей сжимал в лапе деревянное копые с каменным наконечником, другой был вооружен полуавтоматическим «Ремингтоном».

Вилсон нахмурился. Сейчас вид конной обезьяны с автоматическим оружием в лапах больше не повергал его в шок, но Вилсона это все равно беспокоило. Он был уже слишком стар для того, чтобы помнить, что когда-то обезьяны были просто *животными*, содержавшимися в цирках, зоопарках и лабораториях. Сидевшими в клетках, как все остальные звери, которыми они, собственно, и были. До того, когда все изменилось, еще до вируса...

Обезьяны не были уроженцами Северной Америки. Было время, когда *Homo sapiens* были единственными приматами, свободно жившими на континенте, когда ни шимпанзе, ни орангутанги, ни бонобо или гориллы не населяли леса. Желчь поднялась к горлу Вилсона, пока он пристально рассматривал неестественных созданий на гребне холма.

Не должны они были здесь находиться. Они были какие-то *неправильные*.

Нельзя было позволить им существовать.

Он взял в перекрестье прицела обезьяну с ружьем. Указательный палец застыл на спусковом крючке. Преимущество неожиданности было на стороне людей только до первого выстрела, так что он намеревался попасть в цель.

«Помолись, обезьяна, – подумал он. – Если только обезьяны могут молиться».

Но прежде чем он смог нажать на курок, он почувствовал на своем плече чью-то руку.

Волосатую, с громадными костяшками.

Руку обезьяны.

Мгновенно замерев, Вилсон повернулся и увидел склонившегося над ним громадного самца гориллы. Шлем на его голове был точно такой же, как на остальных его солдатах, он явно принадлежал к отряду капитана. На волосатой спине обезьяны висел тяжелый рюкзак, набитый оружием и амуницией. Вилсон узнал обезьяну – его звали Рыжий, из-за того, что его густой черный мех имел рыжеватый оттенок. Рыжий был мерзким ублюдком, но достаточно сообразительным, чтобы знать свое место, и иногда бывал очень полезен.

«Что?» – беззвучно спросил Вилсон, внимательно осматривая гориллу.

Рыжий ткнул пальцем вверх.

Задрав голову, Вилсон посмотрел на зеленый шатер над головой, где еще одна обезьяна в шлеме на голове незаметно скорчилась в ветвях дерева, и на этой высоте она чувствовала себя гораздо лучше, чем на земле. Уже не в первый раз Вилсон позавидовал природному дару обезьян к лазанию по деревьям и снова обиделся на них за это.

«Эволюция сделала людей слишком нежными. Сейчас мы за это расплачиваемся».

Он установил зрительный контакт с шимпом на дереве, и тот показал на гребень холма, где околачивались три обезьяны. Снова взглянув в том направлении, Вилсон сначала не понял, что именно видел шимпанзе из своего наблюдательного пункта на самой верхушке дерева. Просто трех врагов, которых они уже заметили, или еще что-нибудь?

«Чего я не вижу?»

Прошло несколько мгновений, и он наконец заметил, на что указывала обезьяна. Это была длинная невысокая стенка траншеи, сложенная из тяжелых бревен и камней и искусно замаскированная несколькими слоями ветвей и листьев. По сравнению с этим сооружением неуклюжие попытки его солдат замаскироваться выглядели весьма бледно. Покрытие из листьев сливалось с окружающим пейзажем, пряча стену от посторонних взглядов, до тех пор пока вы самым натуральным образом не утыкались в нее.

«Да, черт бы меня побрал, – подумал Вилсон. – Вот же кинг-конги хитрые».

Бог знает, сколько противников могло скрываться в этом замаскированном укреплении. Востроглазый шимпанзе на дереве явно свою пайку на сегодня отработал – Вилсон со своими

солдатами так прямо и вышел бы на эту стену, не заметив ее. Это могло бы стать фатальной ошибкой.

«Слава богу, что наши мартышки оказались толковыми».

Вилсон кивнул Рыжему, одобряя своевременное предупреждение, потом решил, что Полковника тоже следует поставить в известность об их находке. Беспроводные наушники были вмонтированы в шлем капитана, он щелкнул ими и зашептал в микрофон.

– Эхо два-шесть вызывает командный пункт. Полковник, мы засекли трех конгов в северном лесу. Пара наших придурков думают, что здесь и другие имеются, – несмотря на растущее возбуждение, он старался, чтобы его голос звучал спокойно. – Может быть, это так просто, а может быть, рядом база.

«Два года, – подумал он. – Два года мы мотаемся по лесам, пытаюсь отследить этих чертовых грязных обезьян и выйти на их логово. Неужели мы их наконец обнаружили?»

В наушниках раздался голос Полковника. Он звучал слишком тихо, так, чтобы остальные не могли его услышать, включая Рыжего, который все еще торчал рядом. Вилсон внимательно слушал.

– Да, сэр, – ответил он наконец. – Вас понял. Конец связи.

Отключив переговорное устройство, он оглянулся и махнул рукой, подзывая к себе солдат, замыкавших колонну. Они отреагировали с превосходной скоростью и расторопностью, доставая запасное оружие и амуницию из набитых до отказа рюкзаков, которые тащили Рыжий и два других шимпанзе, покорно выполнявшие роль вьючных мулов. Было прекрасно известно, что шимпанзе раз в семь сильнее обычного человека, и это делало их прекрасными носильщиками, да и разведчики они были хорошие.

«Одно только плохо – воняют они как черти», – подумал Вилсон.

– Ты! – сказал он негромко одному из шимпанзе. – Ко мне.

Шимпанзе на четвереньках подскочил к капитану, опираясь на костяшки рук и босые ноги. Вилсону больше нравилось, когда обезьяны передвигались на четырех конечностях, а не ходили на двух ногах как люди – так они не вызывали отвращения. Он достал из сумки обезьяны гранатомет М-79. «Ревущая пушка» напоминала коренастый дробовик с отпиленным дулом. Капитан оглядел своих бойцов, выбирая самого меткого.

– Пастор.

Из строя вышел молодой солдат и подошел к капитану, крепко сжимая в руках военный арбалет. Пастор – розовощекий молоденький латинос, совсем еще подросток. Вилсону очень хотелось знать, что Пастор помнил из той жизни, когда человечество правило планетой. Подобно многим молодым мужчинам и женщинам этого времени, он достиг совершеннолетия в мире, перевернутом с ног на голову. В нормальной жизни он бы думал об экзамене и выпускном вечере, а не охотился на выскочек-мартышек, которые почему-то решили, что будущее принадлежит им. Обезьяны и грипп отняли у Пастора жизнь, которой он должен был жить. И не только у него, но и у целого поколения мужчин и женщин.

«Настало время расплаты». Вилсон показал на трех обезьян на гребне холма.

– Который с ружьем, – пояснил он.

Пастор кивнул и взял свое оружие наизготовку. Капитан сделал то же самое, направив заряженный гранатомет в сторону траншеи. У них за спиной остальная часть команды готовилась к бою. Сверкающие штыки, жаждущие обезьяньей крови, были примкнуты к ружьям, снятым с предохранителей.

Лицо Вилсона окаменело, на нем не было заметно никаких признаков страха или беспокойства. Подбородок решительно выпятился, еще больше вдохновляя находившихся под его командой храбрых мужчин и женщин. Они не спускали глаз с капитана, который безмолвно давал отсчет пальцами правой руки.

Три... два... один!

Пастор выстрелил из арбалета. Шестидесятисантиметровая карбоновая стрела ударила вооруженного ружьем шимпанзе в грудь, мгновенно убив его. Он опрокинулся навзничь и свалился в траншею, повергнув в шок двоих оставшихся товарищей, у которых не было времени каким-либо образом на это отреагировать, прежде чем Вилсон выстрелил из гранатомета. Пара сорокамиллиметровых гранат с визгом пронеслась над лесом и врезалась в укрепление обезьян, взорвавшись при контакте с поверхностью.

Оранжево-желтый взрыв разнес на куски стену траншеи, обломки камней и дерева разлетелись в разные стороны вместе с телами находившихся рядом обезьян. Десятки их, оглушенных и раненых, скрывавшихся за разрушенной стеной, стали выпрыгивать из траншеи. Гориллы, орангутанги, бонобо и шимпанзе истекали кровью и, спотыкаясь о дымящиеся развалины, выпускали из рук свое оружие. На листьях и ветках, маскировавших траншею, валялись ружья, копья, луки и стрелы – раненым обезьянам они больше не были нужны. К хаосу добавились потрескивающие языки пламени и едкий белый дым. Взрывы эхом отдались в ушах Вилсона. Раненые обезьяны вопили от страха и боли.

«Получили по заслугам», – подумал капитан.

Другие солдаты тоже начали стрелять по обезьянам, прежде чем те смогли перегруппироваться или открыть ответный огонь. Убийственный град пуль в клочья рвал волосатые шкуры. Стрелы поражали цели одну за другой. Толстомордый самец орангутанга – его вытертая оранжевая шкура теперь была в мокрых красных потеках – шатаясь, встал на ноги и сразу же был повален на землю еще одной стрелой, выпущенной из арбалета Пастора. Множество гранат, описав в воздухе дугу, взрывались в траншее. Холм сотрясся от оглушающих взрывов, обезумевшие птицы и мелкая лесная живность в страхе спасались бегством. Ветер доносил до Вилсона и его команды безошибочный запах войны. Он вдыхал его всей грудью.

«Чуете это, мартышки? Так пахнет, когда человечество возвращает себе свое будущее».

Дальше по склону холма, почти над самой траншеей, два шимпанзе преодолели шок. Они вскочили на лошадей и пришпорили их, пытаясь скрыться на поросшей лесом другой стороне холма, но пуля снайпера попала одному из них прямо в голову. Обезьяна, которая всего несколько мгновений назад поила лошадей, свалилась на землю, и в седле остался один шимпанзе, часовой с копьем. Ударив ногами в бока лошади, он с предупреждающим визгом галопом помчался по склону холма. Поднимавшийся дым способствовал его бегству, расстояние и густой лес спасали его. Вилсон нахмурился, но потом успокоил себя, решив, что один шимпанзе ничего не значит.

«Пусть бежит, – подумал он. – Другим так не повезет».

– Вперед! – закричал он своим солдатам, перекрывая грохот битвы. После многочасовых скрытных передвижений по лесу, когда боишься даже громко дышать, было здорово наконец крикнуть во всю глотку, дать выход своему праведному гневу. Чтобы закрепить преимущество, он бросился вверх по холму, по направлению к поверженному врагу. Его солдаты с криками и улюлюканьем последовали за ним, возбужденные адреналином и ожиданием победы, стреляя одиночными в оглушенных взрывами обезьян. У застигнутых врасплох, окруженных животных шансов не было.

«Получили свое, – подумал Вилсон. – Пусть не думают, что этот лес им принадлежит».

– Убивать без жалости! – закричал он. – Пленных не брать!

2

Дротик был не только любимым оружием ускокавшего шимпанзе – это было его имя. Еще ребенком, едва научившись лазить по деревьям, он бесстрашно бросал себя с ветки на ветку и с дерева на дерево, так что имя «Дротик» нашло его так же неотвратимо, как дротик находит

свою цель. И сейчас ему очень хотелось действительно лететь подобно дротику, а не просто скакать галопом на своей лошади – пусть даже быстрее, чем это когда-либо ему удавалось.

– Быстрее! – кричал он ей. – Быстрее!

Лошадь мчалась по лесу, пытаясь скрыться от воплей, выстрелов и взрывов у них за спиной, ее копыта стучали по лесной подстилке, вздымая вверх громадные клубы пыли. Она ловко петляла между деревьями и перепрыгивала через гнилые стволы упавших сосен и колючие кусты ежевики. Дротик сидел на лошади без седла, крепко вцепившись в поводья и постоянно подбадривая ее ударами ног по ребрам, хотя в этом явно не было необходимости – лошади, так же как и наезднику, очень хотелось избежать лютой смерти. Шимпанзе тоже хрипло дышал, почти на пределе своих легких, не в силах произнести ни звука. Он до сих пор не мог поверить, что люди так быстро нашли их. Вот он стоит на часах, рядом со своими товарищами, не ожидая никакой опасности, и вдруг – его товарищи мертвы, стена разрушена, и повсюду кровь, огонь, дым и смерть.

Нужно предупредить племя. Нужно предупредить *Цезаря*.

У него за спиной снова послышалось эхо выстрелов. Дротик стал молиться, чтобы его товарищи пришли в себя и наконец открыли ответный огонь. Ему казалось, что звуки битвы преследуют его, а не затихают, пока он галопом мчался прочь от места сражения. Могло ли случиться так, что началось отступление и выжившие обезьяны начали отстреливаться от безжалостного людского напора, пытаясь спастись?

Дротику хотелось так думать.

Его отчаянный визг смешивался со стуком лошадиных копыт. Дротик боялся, что никто не услышит его вовремя, но затем на его отчаянные вопли впереди откликнулся хор обезьяньего визга и гиканья, с каждым мгновением становившийся громче и громче.

«Да!»

Надежда вспыхнула у него в груди. Натянув поводья, он резко осадил лошадь. С ее вздымавшихся боков падали клочья пены. Она хотела вырваться, безуспешно пытаясь продолжить свой бег от смерти, и приседала на задние ноги. Дротик натянул поводья и сжал бока лошади ногами, чтобы она не сбросила его.

«Нет, – подумал он. – Подожди... подожди!»

Он пристально взгляделся в стоявшие перед ним деревья и воспрянул духом, когда ему навстречу с грохотом выехала группа вооруженных до зубов обезьян-солдат. Здесь были обезьяны самых разных подвидов, объединившиеся для защиты своей колонии, и их было много, как деревьев в лесу, из которого они выехали. Дротик был поражен тем, как быстро, в ответ на его вопли, собралась вся эта кавалерия. Цезарь хорошо готовил свои войска.

И тому были причины.

Дротик ухмыльнулся подкреплению. На его спине и плечах агрессивно топорщились густые черные волосы, отчего он выглядел больше и страшнее, чем был на самом деле. Он обнажил клыки. «Хватит отступать», – поклялся он про себя. Хватит бегать от людей. Учение Цезаря наполнило его гордостью и смелостью.

«Вместе обезьяны – сила».

Завизжав от ярости, он повернул лошадь в ту сторону, откуда прискакал. Потом взмахнул дротиком и указал им в сторону тех, кого он оставил перед лицом ружей и ярости врагов.

Все больше всадников-обезьян спускались с окрестных холмов и присоединялись к нему, направляясь вниз по покрытому лесом холму в направлении своего злейшего врага.

Люди начали эту битву, обезьяны ее закончат.

* * *

Битва на холме достигла решающей стадии. Пастор сражался плечом к плечу вместе с солдатами своего отряда против отступавших обезьян, которые сдавались совсем не так легко, как он надеялся. Ему раньше доводилось видеть сражения, но такие яростные – никогда. Обезьяны вели прицельный огонь по людям, которые преследовали обезьян с единственным желанием – уничтожить их всех до последней, несмотря на пули, стрелы и копья, летевшие в них со всех сторон. Мертвые тела, человеческие и обезьяньи, валялись по всему лесу, а стоны и завывания раненых с разных сражающихся сторон странным образом не отличались друг от друга. Паника начала овладевать Пастором, но дезертиром он никогда не был. Найдя укрытие за стволом гигантской секвойи, он раз за разом стрелял из своего арбалета, вынимая стрелы из колчана на бедре. Он попадал в цель чаще, чем промахивался, валя на землю одну обезьяну за другой. Потянувшись за очередной стрелой, он с ужасом обнаружил, что колчан пуст.

Как получилось, что они кончились так быстро?

Он начал лихорадочно оглядываться в поисках Рыжего, который вместе с другими носильщиками упал на землю, чтобы не попасть под огонь. Пастор заорал во всю глотку:

– Стрелы давай!

Рыжий помчался к нему на четвереньках, неся сумку с амуницией. Пастор быстро извлек из рюкзака снаряженный колчан, выбросил пустой. Кивнул головой горилле, благодаря за расторопность, и тут же заметил, что обезьяна смотрит мимо него на передние линии битвы, где отступавшие обезьяны падали, сраженные выстрелами из ружей и арбалетов. Гориллы, такие же, как Рыжий, валились замертво или умирали на склоне холма, орошая кровью зеленую растительность. Рыжий наблюдал за битвой холодными коричневыми глазами и с непроницаемым выражением лица, которое ни единым намеком не выдавало то, что творилось в его обезьяньем разуме.

«Что он чувствует? – подумал Пастор. – Винит себя за то, что предал своих? Или он рад быть на стороне победителя?»

Даже если это кровопролитие и тревожило Рыжего, его лицо ничего не выражало.

Пастор пристегнул новый колчан к бедру и осторожно выглянул из-за ствола дерева, готовый присоединиться к бою. Рыжий остался рядом с ним. Они сделали несколько шагов, как вдруг поразительное зрелище заставило их задрать головы вверх.

Две – нет, три спирали белого дыма прорезали воздух высоко над их головами. Конденсационные следы от падающих снарядов дугой прочертили холодное серое небо. Шмякнувшись на землю, снаряды покатались по ней в направлении Пастора и его товарищей, заливая все вокруг густым клубящимся дымом. Молодой солдат громко охнул, не понимая, что происходит, но уже догадываясь, что ничего хорошего в этом не было. Он бросил непонимающий взгляд на Рыжего, который, кажется, был так же удивлен и дезориентирован этим дымом.

«Какого черта?»

Зарядив арбалет и взяв его наизготовку, Пастор бесстрашно осмотрелся, но плотный лиловый дым смазал линии прицела и скрыл все цели. Он не мог выстрелить из арбалета, опасаясь, что попадет в человека вместо обезьяны.

А потом он услышал оглушительный стук копыт.

Множества лошадиных копыт.

«Вот дерьмо».

Рот Пастора внезапно пересох, как пустыня Мохаве, когда он вспомнил того шимпанзе, который недавно удрал от них.

«Да, это тебе не просто мартышка на лошади».

* * *

Обезьянья кавалерия прогрохотала вниз по склону, выскочив из леса чуть выше разрушенных укреплений. Всадники с пращами снова швырнули дымовые бомбы через головы отступавших обезьян, и вторая волна дымящихся ракет ударила в землю возле нападавших, вызывая смятение. Дротик, находившийся в первых рядах кавалеристов, с удовольствием заметил среди солдат явное удивление и замешательство. Этого было недостаточно, чтобы отомстить за смерть и кровопролитие, которые люди принесли в лес, но для начала это было неплохо. В памяти Дротика все еще всплывали лица друзей, и волосы на его загривке стояли дыбом от ярости.

«Мы только начинаем заставлять их платить, – подумал он. – Если им кажется, что когда-то они напугали обезьян...»

Всадники натолкнулись на волну спасавшихся бегством обезьян, пребывавших в совершенно плачевном виде. Дротик был поражен и раздосадован тем, как серьезно поредели ряды выживших и до какой степени многочисленны и страшны были их раны. Искалеченные и истекающие кровью обезьяны, многие из которых до конца своих дней будут носить следы от ран, полученных во время предательского нападения людей, сломя голову бежали прочь с места побоища. Вот раненый шимпанзе, вцепившийся в хромающую гориллу, которая с ног до головы покрыта множеством ожогов и ран. Еще одна обезьяна, прижимающая к груди сломанную руку и поэтому вынужденная ковылять на трех конечностях. Кривящийся от боли орангутанг, в боку у которого застряла арбалетная стрела; одна из его круглых щек разрезана в клочья. Обезьяны, способные двигаться, взбирались на деревья и стреляли оттуда в людей из ружей и луков. Дротик восхищался их отвагой и даже поблагодарил Провидение за то, что он привел кавалерию не слишком поздно.

«Мы спасем наших братьев, – подумал он, – и отомстим за павших!»

Он громко завизжал, перекрывая шум. Высоко подняв свое копье, он с гордостью наблюдал, как объятые паникой обезьяны прекратили отступление. Едва они увидели кавалерию, страх сошел с их лиц, и они поняли, что теперь они не в меньшинстве. Паника сменилась яростью, все обернулось к людям и оскалилось. Обезьянья военные кличи слились в яростный хор.

Сердце Дротика наполнилось гордостью. Опустив копье, он движением ног послал лошадь вперед, возглавляя атаку. Объятые яростью обезьяны бросились к покрытому дымом полю битвы, следуя за наступавшей кавалерией.

Люди пожалеют о том, что они приблизились к этим холмам.

* * *

«Мы облажались, – подумал Пастор. – По-крупному».

Вместе с остатками отряда он, спотыкаясь, словно слепой, медленно пробирался сквозь дым, не в состоянии увидеть что-нибудь перед собой на расстоянии полуметра. Резкие клубы дыма застилали глаза, лезли в горло и в легкие, отчего он кашлял и хватал ртом воздух. Крепко сжав в руке свой арбалет, он оглядывался по сторонам, не в состоянии понять, откуда могла прийти опасность. Слезающиеся глаза беспомощно высматривали цель, в которую можно было выстрелить. Лес наполнился сердитыми криками и проклятиями, он слышал, как другие солдаты проклинали дым, наталкиваясь на деревья и друг на друга. Рыжий и остальные носильщики предупредительно визжали и несли тарабарщину. Пастору стало интересно, не пожалели ли они о том, что не перебежали к врагам.

«Будь я таким, как они, я бы перебежал».

Грохот копыт стал громким, пугающим. Внезапный свистящий звук заставил его взглянуть вверх, как раз вовремя, чтобы увидеть тучу деревянных стрел и дротиков, дождем падавших на них. Вокруг закричали. Едва различимые фигуры, не больше чем смутные силуэты в дыму, падали на землю и больше не вставали. А смерть продолжала падать с неба, выбирая все новые и новые жертвы. Копье с каменным наконечником ударило в землю рядом с его ногой, и он отпрыгнул назад, наткнувшись на дерево. Шлем сильно ударился о ствол, было больно, но Пастор почти не ощутил удара. Он чувствовал себя так, как будто застрял в каком-то дьявольском чистилище, где смерть разила наугад и без предупреждения. Он не мог поверить, что военная удача так быстро отвернулась от них.

«Ведь мы побеждали, черт возьми! Мы заставили их бежать!»

В метре от него еще кто-то вскрикнул от боли. Потом чей-то хриплый голос отчаянно закричал:

– ОТСТУПАЕМ!

Пастор понятия не имел, кто отдал приказ, но повторения не ждал. Согнувшись, чтобы не быть слишком большой целью и не стать в любой момент дичью на вертеле, он бросился бежать, спасая свою жизнь. Путь юноше преградил покрытый мхом ствол дерева, и он, ища укрытия, упал за него, а потом, поскользнувшись, съехал головой вперед по мокрому склону холма в канаву с водой. Земля бросилась ему в лицо, вышибая дыхание, его мутные глаза уставились вверх, на кроны возвышавшихся над ним деревьев. Одна часть его существа хотела просто лечь там, закрыть глаза и надеяться, что бой будет продолжаться без него, но ужасной перспективы остаться в кишачем обезьянами лесу оказалось достаточно, чтобы убедить его продолжить движение. Он с трудом поднял голову и осмотрелся.

На него взглянули мертвые глаза.

Пастор подавился готовым вырваться изо рта воплем, столкнувшись нос к носу с безжизненным телом своего капитана, одним из нескольких мертвых солдат, валявшихся в канаве, которая теперь напоминала братскую могилу. Пастор узнал всех мертвецов – Ворд, Чэмберз, Чавес, Роббинс, Шимода. В горле капитана торчала стрела. Остекленевшие глаза безучастно уставились в небытие.

Обезьяны убили их. Обезьяны убили их всех.

Пастор испугался, что и он тоже покойник. Лежа в могиле вместе со своими павшими товарищами, он слышал, что обезьяны приближаются. Они визжали и ухали друг на друга, как животные, которыми они, впрочем, и были. Возбужденные лошади ржали и фыркали. Совсем рядом слышались ружейные выстрелы – это был признак того, что бой еще продолжался, или это обезьяны добивали последних оставшихся людей? Пастор спросил себя, смогли ли спастись Рыжий и другие «хорошие» обезьяны, и внезапно понял, почему его это волновало.

Насколько Пастор мог понять, он единственный из солдат остался в живых.

Он схватился за свой арбалет, который потерял, когда катился вниз по холму, но не обнаружил его. Большая часть стрел также выпала из колчана, так что он остался без оружия. Ему не хотелось вот так вот умирать – в одиночестве, в лесу, когда рядом нет никого, кроме мертвецов, кто бы мог разделить с ним его последние мгновения. Страх грозил подавить все, чему его учили на занятиях по военной подготовке, но он пытался сдерживаться, хотя и дрожал, как осенний лист. Он вытянул вперед трясущиеся руки и снял с трупа капитана наушники с микрофоном, они еще были теплыми на ощупь. Кровь мертвеца испачкала ему пальцы.

«Простите, капитан, – подумал он, – мне это сейчас нужнее, чем вам».

Он очень надеялся, что эта штука работала. С перекошенным лицом он надел наушники на голову и включил рацию.

– Полковник? Полковник, вы слышите меня?

В ушах захрипели статические помехи, лишая его надежды. Прошел бесконечный томительный момент, прежде чем ему ответил хриплый властный голос. Пастор с облегчением вздохнул, узнав знакомые модуляции голоса своего командира.

– Кто это? – спросил Полковник.

У Пастора пересохло во рту. Ему пришлось подождать, прежде чем он снова смог заговорить.

– Пастор... это Пастор, сэр.

Он понятия не имел, известно ли было Полковнику его имя. Он был просто никем, просто одним из рядовых бойцов на этой войне.

– Где вы находитесь, солдат? Определите свое местоположение.

– Я не знаю!

Голос Полковника звучал ровно и ободряюще.

– Что вы видите?

Пастор не собирался поднимать голову из канавы, чтобы сообщить Полковнику, что он видит несколько деревьев и кустов. Его голос дрожал, почти пропадая от напряжения. А что, если обезьяны его услышат?

– Я ничего не вижу! Мы много людей потеряли, сэр. Капитан убит!

Полковнику потребовалось какое-то время, чтобы переварить эту информацию.

– Теперь вы командуете.

– Командую, сэр? – Пастор попытался разъяснить Полковнику. – Кажется, только я один и остался в живых!

Обезьяны точно были где-то рядом. Он слышал, как они топали по земле, приближаясь к нему. Пастор поднял голову, напряженно ожидая, когда покажется первая обезьяна.

– Сэр, я не думаю, что смогу с этим справиться, – его горло перехватило от волнения. Плохо, конечно, умирать молодым в безнадежном бою, но потерпеть поражение и попасть в лапы обезьян, не выполнив задания... – Простите, сэр! Мне очень жаль.

Полковник мрачно ответил:

– Я понимаю, солдат. Просто убей их столько, сколько сможешь.

Но исполнять этот приказ было слишком поздно. Беспомощно копаясь среди мертвых тел в поисках арбалета, Пастор услышал, как над ним кто-то враждебно фыркнул. Он замер, посмотрел вверх и увидел нескольких обезьян, смотревших на него со смертельной злобой в глазах. Их копыта и ружья были направлены на него, хотя любая из этих обезьян легко могла голыми руками вырвать ему конечности. На лицах обезьян не было жалости, да Пастор и не ожидал этого. Всю его жизнь обезьяны и люди были смертельными врагами, и сейчас эта жизнь подходила к концу. Пастор сглотнул слюну и стал ждать, что будет дальше. Он и так уже был в могиле. Все остальное – просто формальность.

«Давайте, – подумал он. – Пора с этим кончать».

3

Цезарь размышлял над ужасными последствиями битвы. Обезьяны собирали оружие, срывая ружья и амуницию с трупов солдат-людей. Дело необходимое, но грязное. Вожак обезьян (он все еще оставался в расцвете своих сил) отвернулся от мародерства и медленно пошел по направлению к открытой всем взорам траншее, камуфляж и защита которой не смогли уберечь ее от нападения людей. Взорванные останки защитной стены были разбросаны по всему холму, и это говорило о том, что взрывчатые материалы у врага очень хорошие. Обугленное дерево все еще воняло дымом, и оставшиеся очаги огня следовало затушить.

Он мрачно наблюдал за тем, как тела обезьян – не все из них были в целости – доставали из взорванных глубин траншеи. Он не пытался считать мертвых – после будет доста-

точно времени для того, чтобы посчитать свои потери. Сейчас важнее было знать, сколько обезьян ранено, и заняться ими. Он боялся, что, несмотря на все попытки их знахарей, многие из несчастных умрут от ран в ближайшие часы или дни. Победа досталась обезьянам слишком дорогой ценой.

«Бой закончен, – подумал он, – но поминки только начались».

Часовые, расположившиеся на деревьях, внимательно наблюдали, нет ли еще где-нибудь солдат-людей. Цезарь приказал им немедленно поднять тревогу, если будет такая необходимость, а сам стал спускаться в то, что осталось от траншеи. Гориллы, шимпанзе, орангутанги и бонобо, раненые и нет, смотрели вверх, с трепетом и почитанием, на своего спускавшегося вожака. Одно его присутствие вызывало у всех глубокие эмоции. Широко раскрыв глаза, обезьяны толкали друг друга, предупреждая соседей о его прибытии. Даже раненые приподнимались и смотрели на него, когда он проходил мимо.

Цезарь привык к такой ответной реакции. Он, в конце концов, был их вождем... и их освободителем. Это он почти десять лет назад выпустил на свободу вирус, который развил их умственные способности и освободил их из заточения в лабораториях и зоопарках.

Сейчас ему уже двадцать лет, и шерсть на лице Цезаря кое-где покрылась сединой, но авторитет его оставался неоспоримым. Сознывая отношение к себе своего народа, он демонстрировал перед ними силу и мужество.

На его хмуром стоическом лице никогда не появлялись страх или слабость. Только боль в выразительных зеленых глазах выдавала то как сильно страдания его народа влияли на него.

«Неужели это кровопролитие никогда не кончится? – подумал он. – Неужели люди никогда не оставят нас в покое?»

Пара горилл подошла к Цезарю и встала по бокам от него. Лука, сидящий доминантный самец, уже много лет был одним из наиболее приближенных к Цезарю лейтенантов. После освобождения из зоопарка Сан-Франциско он дрался бок о бок с Цезарем в Бригаде Золотых Ворот – это было в самом начале их свободной жизни – и со временем стал начальником гвардии горилл и неотъемлемой частью ближнего круга Цезаря. Не предал он Цезаря и в те черные дни, когда Коба организовал недолго длившийся переворот, два года назад. Крупнее Цезаря раза в два и на голову выше, он был просто громадным даже по меркам горилл. Из под нависавшего лба на мир смотрела пара темно-коричневых глаз.

С Лукой был Снежок, молодая горилла-альбинос; его белая шкура и розовые глаза резко выделялись в темной глубине траншеи. Не привыкший к жестокостям войны, он смотрел на кровавые ошметки тел с явным неудовольствием. Он стоял, низко наклонившись, автоматически принимая оборонительную позу. С его губ слетало едва слышное бормотание.

Цезарь очень не хотел, чтобы Снежок смотрел на этот ужасный спектакль, но трудное время не допускало подобных нежностей. Снежок был подававшим надежды молодым самцом гориллы, сообразительным, с гибкими и сильными конечностями, и Лука очень его ценил. Но Снежок не смог бы защитить своих людей, не говоря уже о том, чтобы возглавить колонию в будущем, если бы от него скрывалась жестокая реальность этого мира. Он должен был знать, на что способны люди в самых худших своих проявлениях, уметь оценивать опасность, которой подвергались обезьяны с тех пор, как они впервые вырвались из заточения, – задолго до того, как Снежок родился.

«Жестокий урок, – подумал Цезарь, – но необходимый».

Спускаясь глубже в траншею, под успокаивающее укрытие земли, Цезарь обнаружил, что столкнулся еще с одной неприятной реальностью – и дилеммой.

Горстка пленников-людей ждала его решения. Пленные стояли на коленях, их руки были связаны за спинами. Глубоко нахлобученные шлемы скрывали их лица, и они безучастно смотрели на утрамбованный земляной пол траншеи. Пленников стерегли несколько охранников во главе с крепкого сложения шимпанзе, которого звали Дротик. Цезарь знал, что это Дротик

поднял тревогу и предупредил о приближении людей, вовремя вызвал кавалерию и остановил продвижение врага, не дав ему нанести еще больший урон его народу. Опечаленный понесенными потерями, Цезарь прекрасно понимал, что дела могли быть еще хуже.

Если бы люди нашли крепость...

Дротик вышел вперед и просительно протянул раскрытую ладонь. Цезарь слегка провел своими пальцами по раскрытой ладони шимпанзе, отдавая дань его подвигу, и повернулся к пленным. Дротик вместе с остальными охранниками отошел в сторону, давая ему возможность ближе подойти к выпачканным в грязи людям, которые в страхе наблюдали за его приближением. Молодой солдат-латинос икнул.

«Знают ли они, кто я такой, – подумал Цезарь, – или все обезьяны для них одинаковы?»

Его тяжелый обвиняющий взгляд опустился на пленников. Он заметил, что один из солдат, скрючившийся за спинами других, все еще не поднял головы, пряча свое лицо под шлемом. Тела солдата не было видно, но Цезарь мог точно сказать, что он был крупнее, чем остальные люди. Внезапное подозрение заставило Цезаря сердито нахмуриться. Понюхав воздух, он услышал явно различимый запах предательства.

«Не человек».

Он кивнул Дроту, который грубо сдернул шлем с головы пленного, открывая явно обезьяньи черты морды гориллы.

«И предатель».

Горилла явно отказывался смотреть на Цезаря, которому стало противно. Однако вожака совсем не удивило присутствие изменника среди солдат. Он слышал донесения об изменниках-обезьянах, пошедших против себе подобных. Прищурившись, он посмотрел на предателя.

«Я тебя знаю», – подумал Цезарь.

Два с лишним года прошло с тех пор, как злопамятный шимпанзе по имени Коба попытался свергнуть Цезаря и затеять полномасштабную войну против людей. Воспоминания об этом подлом предательстве все еще ранили Цезаря. Когда-то Коба был его другом и союзником, но его ненависть к людям пересилила верность Цезарю: стремление вожака к миру принижало его в глазах Кобы и его последователей. Коба был мертв сейчас, сраженный рукой Цезаря, но вред, который он нанес обезьяньему единству, продолжал жить в рассерженных отщепенцах, подобных этому, чья жизнь была теперь в его власти.

– Рыжий.

Цезарь хорошо знал эту обезьяну. Когда-то Рыжий последовал за Кобой.

Дротик бросил шлем обезьяны Цезарю. Это был стандартный армейский шлем, разработанный для того, чтобы защищать хрупкие черепа людей, и все же Цезаря удивила незнакомая эмблема, грубо выцарапанная на нем.

«ΑΩ».

Пристально посмотрев на других пленных, он заметил, что такая же эмблема была у каждого, где-нибудь на одежде или на теле. Он увидел, что она была наколота на руках и на шеях, выведена маркерами на рваной, залитой кровью униформе. Он узнал эти буквы – это были буквы древнего человеческого алфавита, но их значение было ему недоступно. Хотя он много лет провел в сражениях с остатками Вооруженных сил Соединенных Штатов Америки, эти буквы не принадлежали ни к одному из видов вооруженных сил, которые были ему известны.

Новый враг?

Он бросил вопрошающий взгляд на солдата-латиноса, на шлеме у которого была такая же эмблема. На нашивке на его униформе было написано «Пастор», но Цезарь не был уверен, было ли это его имя или профессия. Дрожащий человек оказался достаточно сообразителен, чтобы понять то, что Цезарь хотел узнать.

– Это... это АльфаОмега.

Цезарю это ничего не сказало, и он продолжал пристально смотреть на Пастора, требуя дальнейших объяснений. Необходимо знать врага, чтобы предугадывать его действия.

– Это значит, что мы – начало и конец, – ответила за латиноса темноволосая женщина-солдат. АΩ было наколото чернилами у нее на шее. В ее голосе совершенно точно звучал вызов, несмотря на тяжелую ситуацию, в которой она находилась. – Выживание человечества зависит от нас.

Цезарю хотелось знать, что именно она хотела этим сказать. Но прежде чем ему удалось узнать это, он заметил, что охранники и пленные обратили внимание на что-то, находившееся за его спиной. Медленно ковыляющие шаги объявили о выходе на сцену нового действующего лица. Узнав знакомую походку старого друга, Цезарь пошел поприветствовать его.

Морис был взрослым орангутангом и одним из старших советников Цезаря. Цирковая обезьяна в прошлом, он подружился с Цезарем еще в те времена, когда они оба содержались в напоминающем тюрьму «убежище для приматов» в Сан-Франциско, перед тем как Цезарь придумал способ бегства из этого плена. Столь же мудрый, сколь и жалостливый, Морис был скорее учителем, чем воином, но он мужественно прошел с Цезарем бесчисленные испытания, включая битвы с людьми и мятежниками Кобы. Цезарь вверял ему свою жизнь и часто доверял вдумчивому характеру орангутанга и его мудрым советам. Его широкий скелет обтягивала потертая оранжевая шкура. Длинные руки и короткие ноги говорили о том, что предки его вида жили на деревьях, а выпирающие брылы свидетельствовали о его почтенном возрасте.

Подобно большинству обезьян, Морис предпочитал язык жестов человеческой речи, для которой обезьянны голосовые связки не очень годились. Его выразительные руки и пальцы принесли плохие новости.

«Двадцать два погибших, – сказал орангутанг жестами. – Раненых – еще больше».

От этой новости ярость разгорелась в сердце Цезаря. Повернувшись к пленным, он мрачно посмотрел на людей, которые принесли столько смерти его друзьям. Он оскалился, обнажая зубы и десны.

У Пастора глаза расширились от ужаса.

– Это он, – едва слышно прошептал пленный. – Ты – Цезарь.

Цезарь вздрогнул, услышав свое имя из уст человека. Кажется, слава бежала впереди него. Он не был уверен в том, что почувствовал по этому поводу. Он был вожаком стаи, но это же подставляло его под удар.

– Мы так долго тебя искали, – признался Пастор. Сейчас, когда осмелился говорить, он больше не мог сдерживаться. – Мы слышали, что у тебя есть тайный командный пункт, но никак не могли его найти. Кое-кто из наших даже начал думать, что ты умер, но Полковник сказал: нет, идите и ищите его...

– Полковник. – Цезарь не мог представить лица, которое соответствовало бы этому имени, но он прекрасно понимал, что этот Полковник был тем человеком, который затеял сегодняшнюю резню. Он еще раз мрачно взглянул на пленных. Сейчас их жизни были в его руках.

– Да убей ты нас наконец, – сказал один из солдат, у которого на нашивке было написано «Тревис». Под слоем камуфляжной краски его бледное лицо было покрыто потом. Напряженные нервы исказили его голос.

– Заткнись, парень! – бросила ему в лицо женщина. Кажется, ее звали Лэнг. – Хочешь, чтобы нас всех прикончили?

– Что? – возразил Тревис. – Они же животные. Он и так всех нас прикончит.

Цезарь услышал достаточно. Он медленно сделал шаг в сторону Тревиса, чьи злые слова мгновенно испарились, едва только тень обезьяны нависла над ним. Он сглотнул слюну и попятился от Цезаря, который навис над ним, стоя на двух ногах. Остальные солдаты тоже выглядели испуганными, хотя Лэнг все время старалась спрятать свой страх за вызывающим видом.

Цезарь почти физически ощущал запах страха, исходивший от них. Он помедлил еще мгновение, чтобы они осознали, как близко к смерти находились.

Потом сказал:

– Я... я не начинал эту войну.

Его тихий мрачный голос хрипел и запинаясь, исходя из горла, которое природа не приспособлявала к человеческой речи, и еще была в нем какая-то острота, которая легко могла пройти сквозь кости и плоть. Люди пристально смотрели на него.

«Хорошо. Они должны очень внимательно выслушать то, что я им хочу сказать».

– Обезьяна, которая сделала это... мертва. Его звали Коба. Я убил его.

Он подождал, чтобы они хорошо это запомнили, потом продолжил. Его голос стал еще более резким, чтобы произносимые им слова еще сильнее поражали пленных.

– Я воюю сейчас только для того... чтобы защищать обезьян.

– Да? – Тревис взглянул на Рыжего. – А как насчет него? У нас еще десять таких.

Цезарь был очень опечален тем, что сбежавшие последователи Кобы пошли против себе подобных. Он грозно глянул на Рыжего, который наконец встретился с ним взглядом, уставившись на Цезаря с нескрываемой ненавистью.

– Я знаю этих обезьян. Они пошли за Кобой. Пытались убить меня. Они боятся, что я сделаю с ними то же самое. Они уверены, что я их не прощу.

На самом деле страхи эти имели под собой основание. Когда-то давно Цезарь верил, что обезьяны в своей основе лучше людей, что они более благородны и надежны.

Сейчас, благодаря Кобе, он не так был в этом уверен.

– Они служат вам... чтобы выжить.

– Я тебя не боюсь! – прорычал Рыжий. Из-за грубого голоса и плохого владения английским его речь звучала еще менее естественно, чем речь Цезаря, но эти злые слова были вполне понятны. – Это *ты* должен бояться! Думаешь, этот лес еще долго будет тебя укрывать? – самец гориллы презрительно фыркнул. – Люди уничтожат тебя. У их *Полковника*, – сказал он, – ковер-какая слово *Полковник*, – нет жалости. Люди делают все, что он скажет. Для них он больше, чем простой человек. Он *всё*.

С губ предателя брызгала слюна. Под нависшим лбом сверкали ненавидящие глаза, которыми он одного за другим оглядывал своих врагов. Даже Цезарь почувствовал, как холодок пробежал у него по спине, а Снежок совершенно явно занервничал от угроз чужой обезьяны. Молодой самец гориллы непроизвольно сделал шаг назад, отчего Лука нахмурился, а Рыжий продолжал кричать им:

– Он говорит: сначала умрет Цезарь... а потом все вы умрете.

Дротик взвился от ярости, схватил обезьяну-предателя за плечи и швырнул его на землю. Он собирался сделать еще что-то, но Цезарь поднял лапу и покачал головой. По-прежнему кипя от ярости, Дротик взял себя в руки и неохотно попятился от Рыжего, все еще пуская в предателя стрелы из глаз – в переносном смысле, конечно.

Цезарь прекрасно знал, что чувствовал Дротик.

«Убери его отсюда», – сказал он Луке жестами.

Громадный седой самец кивнул Снежку, давая молодой горилле возможность совладать со своим страхом. Снежок собрался и вышел вперед, чтобы схватить предателя, который даже со связанными за спиной руками яростно сопротивлялся. Он ревел и бросался на Снежка, но вскоре перестал отбиваться, и молодой самец за лодыжку вытащил его наружу.

Цезарь был рад избавиться от него.

Теперь остались только пленные-люди, которыми он продолжил заниматься. Онемев от яростной схватки с обезьянами, они ждали своей участи, думали, наверное, что их в любую минуту так же вытянут наружу навстречу судьбе. Пот тек по их лицам, смывая камуфляжную

краску. Запах мочи говорил о том, что по крайней мере один из них намочил от страха штаны. Цезарь подумал, что это был Тревис.

Лука глубоко вздохнул, его безволосая черная грудь поднялась и опустилась. Жестами спросил Цезаря:

– Что будем с ними делать?

* * *

Обезьяньи руки накрепко затянули узел на веревке, привязывавшей руки пленников к поводьям одной из двух лошадей, которые должны были отвезти их в то место, откуда они пришли. Люди сидели на спинах лошадей по двое. Их окружали охранники-обезьяны, а Цезарь со своими советниками наблюдал за приготовлениями. Пастор в смятении смотрел на Цезаря, как будто не мог поверить тому, что происходит.

– Ты оставишь нас в живых?

Цезарь не мог обвинить солдата в том, что тот был введен в замешательство сдержанностью противников, принимая во внимание, скольких невинных обезьян Пастор и его товарищи убили или покалечили в результате беспричинного нападения. Немногие стали бы спорить с тем, что смерть не могла служить достойным наказанием за их преступления, но Цезарь хотел больше, чем просто «око за око». У него была более серьезная цель. Справедливость была роскошью, которую его соплеменники вряд ли могли себе позволить.

– Скажите вашему Полковнику... что вы видели меня. И у меня есть для него послание: эту войну можно остановить. Оставьте нам леса... и больше ни один человек не погибнет.

Это заявление вызвало у людей самую разную реакцию. Кто-то смотрел на вожака обезьян скептически, кто-то враждебно, а у некоторых на лице было просто написано облегчение от того, что они остались живы. Только один человек, которого звали Пастор, был по-настоящему благодарен за милосердие, которое к ним проявили. Или Цезарю так показалось. Он кивнул Луке, тот изо всей силы шлепнул коней по крупам, отправляя их в путь. Ловкие охранники бросились врассыпную, давая дорогу, и лошади помчались прочь от траншеи, унося на своих спинах людей. Освобожденные солдаты оглядывались через плечо на обезьян, пока те наконец не исчезли из виду. Несмотря на всеобщее изумление, кое-кто из бывших пленных все еще думал, что это показное прощение от обезьян было хитрой уловкой; им просто в голову не приходило, что Цезарь мог их так просто отпустить.

«Как мало они понимают, – подумал он. – Они не могут видеть дальше своего страха и не желают понять, что обезьяны хотят только мира. По крайней мере, большинство из них».

Цезарь засомневался, не совершил ли он ошибку, отпустив солдат живыми. Уже не в первый раз он даровал людям жизнь как знак его доброй воли, но эти жесты мало что приносили взамен. Не был ли он слишком глуп в своем стремлении к миру? Люди убивали обезьян без всякой пощады. Может быть, нужно было казнить пленников? Коба сделал бы именно так.

Что, скорее всего, и было причиной того, что Цезарь все сделал наоборот...

Он стал слушать, как удаляющийся стук копыт поглощался лесом. Подошел Морис, присоединившись к Цезарю и Луке. Показал жестами Цезарю: «Ты правда думаешь, что они передадут твое послание?»

– Они сами – послание, – ответил Цезарь. – Я помиловал их. Пусть он увидит, что мы не дикари, – он сказал это, чтобы убедить себя и других. – Будем надеяться, что это сработает. Они становятся ближе...

Во время сегодняшнего нападения люди ближе, чем когда-либо, подобрались к тайному обезьяньему укрытию. Цезарь вздрогнул при мысли о том, как далеко они могли бы зайти, если бы Дротик вовремя не оповестил кавалерию. Сегодня только стражи на стенах крепости

столкнулись с незваными пришельцами, а не их семьи и дети. Но как далеко зайдут люди в следующий раз?

Если только будет этот следующий раз.

Внезапный шум, исходивший из траншеи, вывел его из задумчивости. К нему толпой неслись обескураженные обезьяны, испуганно визжавшие и лаявшие. Цезарь не сразу понял, что случилось, – пока не увидел вышедшего из толпы Снежка, держащегося руками за голову. Кровь ручьем текла из глубокой раны на его лбу, пачкая белоснежную шерсть. Цезарь заметил также, что пленника Снежка, обезьяну-предателя Рыжего, нигде не было видно.

Нетрудно было догадаться, кто пролил кровь Снежка.

Лука озабоченно хмыкнул и бросился навстречу своему помощнику. Потрясенный Снежок, явно расстроенный и униженный, поднял глаза на Луку.

«Рыжий напал на меня, – сказал Снежок при помощи жестов. – Он сбежал!»

Пристыженный, молодой самец посмотрел на Цезаря. Снежок опустил глаза, не в силах выдержать осуждающий взгляд вожака.

«Мне очень жаль, – жестами показал Снежок. – Прости меня».

Цезарь ничего не сказал, раздосадованный новостью. Бегство Рыжего избавляло его от необходимости решать судьбу обезьяны-предателя, но его очень беспокоило то, что Рыжий и его товарищи-отщепенцы были на свободе, сотрудничая с людьми, которые охотились за членами его племени. Одна только мысль о том, что обезьяны бок о бок с людьми дерутся с другими обезьянами, была оскорблением всего, за что Цезарь боролся и для чего работал многие годы.

«По крайней мере, – подумал он, – они не знают, где нас искать».

Пока не знают.

4

Цезарь ехал по лесу во главе мрачной процессии; солнце начинало склоняться к западу. Он сидел верхом на коне, за ним шли здоровые обезьяны, помогая своим раненым братьям и сестрам. Тела обезьян, погибших в битве, были уложены на спины лошадей. Трупы людей в качестве предупреждения были оставлены на поле боя.

Обезьяний вожак был рад тому, что пропитанный кровью холм остался позади, хотя невосполнимые потери и постоянная угроза, исходившая от беспощадных людей, тяжело давили на него. Гнусные угрозы Рыжего эхом звучали на задворках его сознания, обещая множество ожидавших его испытаний. Ему очень хотелось, чтобы этот длинный день наконец закончился.

Он немного взбодрился, услышав впереди низкий рев, доносившийся из-за ближайших деревьев. По мере продвижения процессии вперед рев становился сильнее, и наконец взглядам открылся величественный водопад. Белая вода каскадом ниспадала с отвесной скалы, скрывавшейся в самой глубине первозданного леса, пролетая вниз сотни метров и падая в реку. У основания скалы над бурлящей пеной клубилась водяная пыль; солнечный свет отражался в покрытой рябью поверхности реки.

Легкая улыбка приподняла уголки губ Цезаря.

Они были почти дома.

Процессия остановилась на берегу реки, чтобы насладиться холодной чистой водой. Обезьяны утоляли жажду и поили своих коней. Промывали раны, чтобы не занести в них инфекцию. Их усталые ноги отдыхали от бесконечной ходьбы.

Спрыгнув с лошади, Цезарь нашел спокойное местечко, где он мог отдыхать и одновременно наблюдать за тем, что происходит. Он сидел вдалеке от остальных, рядом был только Морис, который присоединился к нему у реки. Цезарю нравилась компания друга. Взглянув

на Мориса, он заметил обеспокоенное выражение лица орангутанга, смотревшего на группу сидевших неподалеку обезьян, которые несли охапку ружей и амуниции, сорванных с трупов людей. Они осматривали оружие и обменивались им. Горилла проверяла прицел автоматического ружья, целясь в воображаемых врагов.

Морис печально покачал головой, показал жестами: «Посмотри, кем мы стали».

Цезарь завидовал мягкой натуре своего друга. Он бы тоже предпочел мир, в котором обезьяны не были бы вынуждены носить оружие и перенимать военные навыки людей; шимпанзе всегда были менее склонны к конфликтам, чем орангутанги, еще до того как их умственные способности повысились. Он ободряюще улыбнулся Морису.

«Мы преодолеем это, друг мой», – ответил он жестами.

Морис, кажется, успокоился. Он кивнул и начал было отвечать, но его жесты были прерваны высоким трубным звуком, нарушившим эту мирную сцену. Цезарь вскочил на ноги и посмотрел в сторону густо поросших лесом горных склонов, нависших над рекой. На них появились скрывавшиеся там обезьяны, все это время незаметно наблюдавшие за возвращением воинов.

В ответ на сигнал тревоги сотни обезьян выскочили из наблюдательных постов, спрятанных на деревьях и по краям скалы. Высоко над водопадом одинокий шимпанзе дул в выдолбленный бараний рог, предупреждая о приближении нарушителей. Еще больше обезьян ответили этому сигналу.

Цезарь обменялся обеспокоенными взглядами с Морисом.

Неужели люди шли за ними до самого водопада?

Обезьяны на берегу реки, которые всего несколько мгновений назад отдыхали от трудного перехода, схватились за оружие и пристально вглядывались в ту сторону, откуда они пришли. Они сформировали живые щиты вокруг раненых обезьян, чтобы защитить их от того, что к ним приближалось. Недавно приобретенные ружья и арбалеты были повернуты в сторону леса. Цезарь приготовился к сражению.

Наверное, предыдущее нападение было просто предшественником более серьезной битвы?

С каждым ударом сердца напряжение становилось все более давящим. Цезарь едва сдержал дыхание, когда небольшая группа пришельцев выехала верхом из леса. Его нервы натянулись, пока меркнувший солнечный свет не упал на лица и фигуры всадников – и все страхи Цезаря мгновенно развеялись, сменившись счастьем и облегчением.

На спинах лошадей, завешанных седельными сумками, сидели четыре обезьяны, устало клонившиеся вперед после многодневного перехода. Пыль запеклась на их волосатых телах. Они не были незнакомы Цезарю.

Совсем нет.

С бьющимся сердцем Цезарь и все остальные бросились к вновь прибывшим, выражая свою радость криками, пока те спешили. Перетянутый ремнями молодой шимпанзе с удивительными голубыми глазами подошел к Цезарю, который в нетерпении ждал его. Старые шрамы пересекали грудь и правое плечо молодой обезьяны. Морис и остальные попятнулись, уступая двум шимпанзе больше места. Переполняемые эмоциями, они пристально смотрели друг на друга, потом Голубоглазый жестами начал говорить с Цезарем.

– Привет, отец, – сказал он.

Широкая улыбка расплылась по лицу Цезаря, и он радостно обнял своего старшего сына. Толпа счастливо забормотала, празднуя воссоединение семьи, и снова послышались приветственные возгласы в адрес Голубоглазого и его товарищей, которых не было много месяцев.

Возвращение сына, целого и очевидно невредимого, – именно то, что было нужно Цезарю после всех ужасов этого дня. Он обнял Голубоглазого, ласково хлопая его по спине, а потом повернулся к другим путешественникам, которых он тоже очень рад был видеть. Ухмыль-

нулся Ракете, лысеющему, почти безволосому шимпанзе, которому лет было почти столько же, сколько самому Цезарю. Ракета, вместе с Морисом, тоже был пленником в мерзком убежище для приматов, до того как Цезарь сумел вывести содержавшихся в заточении обезьян на свободу. Когда-то они с Цезарем были врагами и соперниками, но те времена давно прошли. Ракета неоднократно проявлял себя верным другом и союзником.

«Добро пожаловать домой, – жестами сказал Цезарь. – Ты выглядишь усталым».

Ракета пожал плечами и ответил:

– Долгое было путешествие.

«Отец, – Голубоглазый возбужденно жестикулировал. – Мы кое-что нашли!»

По нетерпеливому выражению лица своего сына Цезарь мог сказать, что тот нес радостную весть. Он был готов услышать больше, но, возможно, в более безопасном месте. Ложная тревога, прозвучавшая несколько мгновений назад, напомнила ему, как уязвимы были обезьяны на открытом месте. Вдобавок к этому вожак был совершенно уверен, что не только он соскучился по уюту родного дома и очага. Да и матери Голубоглазого очень хотелось поскорее увидеть своего сына.

«Пойдем внутрь, – сказал он жестами. – Там все мне и расскажешь».

Он повел собравшихся обезьян к внешнему краю водопада, где они прошли сквозь занавесь льющейся каскадом воды и вошли в громадную пещеру в скале. Невероятная крепость, скрытая в водопадах и окружающих холмах, была тайным убежищем для обезьян Цезаря. Мох ковром покрывал грубый каменный пол и стены пещеры. Мелкие лужицы сверкали, отражая свет, расположенные ярусами каменные уступы служили местом, где обезьяны могли собираться вместе, в то время как водяной туман водопада охлаждал пещеру. Обезьянны дети бросились вперед, приветствуя вернувшихся воинов, их матери бросились вслед за ними, пытаясь, с разной степенью успеха, взять под свой контроль беспокойное потомство. Самцы обнимали своих жен и любимых. Взрослые стояли, окруженные своими отпрысками и детьми своих родственников. Проливались слезы, когда друзья и семьи погибших узнавали о своей утрате. Близкие суеились над ранеными. Пришли знахари, чтобы лечить их раны.

Среди этой суматохи Цезарь заметил свою жену, Корнелию, пытавшуюся протиснуться к нему и к Голубоглазому; лицо ее лучилось счастьем. Радость светилась в ее прекрасных, цвета ореха, глазах. Разноцветная корона из виноградных лоз и лютиков венчала ее голову. Лицо Голубоглазого расцвело, когда он увидел ее.

«Мама, – с помощью жеста сказал он».

Подойдя к нему, Корнелия обняла Голубоглазого, и он в ответ так же горячо обнял ее. Робкий скулеж указал на присутствие маленького шимпанзе, не более двух лет от роду, прятавшегося за ногами Корнелии.

Улыбнувшись, она осторожно вытащила застенчивого малыша из укрытия.

«Корнелиус, – знаками показала ему она, – разве ты не узнал своего брата?»

Голубоглазый присел на корточки и погладил маленького шимпа по голове. Корнелиус расслабился, наслаждаясь вниманием своего старшего брата. Отведя глаза от трогательной сцены, Корнелия озорно усмехнулась, увидев за спиной Голубоглазого приближавшуюся к ним обезьяну.

– Кое-кто тоже скучал по тебе, – поддразнила она своего старшего.

Встав на ноги, Голубоглазый обернулся и увидел перед собой очаровательную самку шимпанзе, стоявшую прямо у него за спиной. Озеро была одного возраста с Голубоглазым, и их обоюдная симпатия ни для кого из тех, кто их знал, не была секретом. Цезаря развеселило восхищенное выражение на лице его сына, который снова взглянул на свою любимую, застенчиво улыбающуюся ему. Наклонившись друг к другу, они нежно соприкоснулись лбами.

Цезарь обменялся с женой понимающим взглядом, вспоминая свою молодость и то, как он сам ухаживал за своей любимой. Он с нетерпением ожидал, что когда-нибудь станет дедом.

При условии, что они найдут способ спастись от людей.

* * *

Обезьяний зал заседаний представлял собой громадную карстовую полость внутри созданной природой крепости. Грот освещался факелами, бросавшими мерцающие тени на грубые стены. На гранитном полу грота была выцарапана эмблема Цезаря – стилизованное изображение кристалла, помещенного в круг. Только самые близкие знали, откуда произошел этот символ – так выглядело окно на чердаке, через которое когда-то, много лет назад, юный Цезарь смотрел на мир. Он был тогда невинной молодой обезьяной, воспитанной любящим отцом-человеком. С тех беззаботных дней его мир неизмеримо разросся, но эта эмблема служила ему напоминанием о том, где он начинал и как далеко он продвинулся.

Цезарь и члены его совета – Корнелия, Морис, Лука, Снежок и Озеро – очень хотели услышать, что нашел Голубоглазый и его экспедиция. Постоянно думая о непрекращающейся угрозе со стороны агрессивных людей, Цезарь отправил своего сына и нескольких наиболее доверенных лейтенантов выяснить, что находилось за границами окруженного людьми леса. Голубоглазый и Ракета расстелили на каменном полу карту, разложив по ней цветные камешки и гальку, и обезьяний совет расселся вокруг нее. Цезарь не узнал местность, обозначенную на карте камешками, и это значило, что она, вероятнее всего, находилась далеко за границами территории, на которой расселялось его племя. Голубоглазый – теперь его шкура была чистой, отмытой от дорожной пыли – восторженно показывал пальцем на одно из мест, отмеченных на карте.

«Вот это место, – знаками сказал он. – Оно прекрасно».

Лука задумчиво посмотрел на карту.

– И ты уверен, что рядом нет людей?

– Точно нет, – подтвердил Ракета.

Голубоглазый посмотрел на Цезаря.

– Ну вот и все, отец. Мы все можем начать заново. Новый дом для нашего народа.

Цезарь был воодушевлен рассказом своего сына, но в то же время ему не хотелось, чтобы его надежды оказались неисполнимыми. Возраст научил его осторожности, и он всегда помнил об опасности, заключавшейся в принятии скоропалительных решений. Необдуманные действия слишком часто приводили к катастрофе. Цезарь научился этому много лет назад, когда он в первый раз в неосознанной ярости бросился на людей – и в результате оказался заточенным в клетку.

Старый орангутанг по имени Перси наклонился вперед и стал внимательно разглядывать карту. Показал рукой на ряд больших зубчатых камней.

– А что за этими горами?

Голубоглазый поднял с пола кожаный кошелек и сунул внутрь руку. Достав оттуда горсть золотистого песка, он театральным жестом бросил его на карту между горами и их предполагаемым новым домом.

«Пустыня, – сказал он жестами. – Нужно будет пересечь ее. Путь неблизкий, но именно поэтому люди не найдут нас».

Голубоглазый отряхнул с рук песчинки и выжидательно обвел взглядом лица членов совета. Он явно был в восторге от своего открытия. Затем заговорил Ракета и подтвердил столь блестящее описание этого далекого рая, и его слова также имели большой вес для Цезаря. Не то чтобы Цезарь не доверял оценкам своего сына – просто было время, лет пять назад, когда Голубоглазый был безрассуден и непослушен, и это вносило некоторое напряжение в отношения между отцом и сыном. Глубокие шрамы на груди и плече Голубоглазого оставили когти разъяренного гризли, который застал его врасплох во время охоты, и они остались вечным

напоминанием о том, каким беспечным и опрометчивым был когда-то молодой шимпанзе. Но с тех пор Голубоглазый вырос и заматерел, выучил много неприятных уроков во время недолгого правления Кобы. Цезарь гордился тем, какой хорошей обезьяной стал его сын, и теперь прислушивался к его советам.

– Мы должны выступить сегодня вечером!

– Сегодня вечером? – запротестовала Озеро, сидевшая рядом с Голубоглазым. – Ты с ума сошел?

«Сколько еще мы можем ждать? – жестами показал Снежок. – Люди приближаются. Они не остановятся, пока не убьют нас всех!»

Было очевидно, что события этого дня и злобные слова Рыжего потрясли молодую гориллу сильнее, чем ожидал Цезарь. Голубоглазый наклонился, чтобы ободрить обезьяну, и успокаивающим жестом положил лапу ему на плечо.

– Снежок, – начал он.

Тот отстранился от Голубоглазого, отклоняя попытку примирения. Лука сердито заворчал на своего протеже, который позорил его перед всем советом. Голубоглазый был сыном и наследником Цезаря, и проявлять неуважение подобным образом не подобало.

Но Снежок не мог сдержаться.

«Его здесь не было, – сказал он с помощью языка жестов, указав на Голубоглазого. – И он не знает, как здесь было тяжело!»

Цезарь нахмурился. Голубоглазый проявил себя в битвах против людей и против повстанцев Кобы. Цезарь знал, что его сын прекрасно осознавал опасность, которую представляли собой люди. Однако он придержал язык, не желая вступать в драку вместо Голубоглазого. Его сын заслуживал права ответить на вызов Снежка самостоятельно.

«Я знаю, что ты напуган, – жестами ответил Голубоглазый. – Как и все мы, но мы всё спланируем заранее».

– Если мы пойдем, – сказал Цезарь громко.

Все посмотрели в его сторону. Голубоглазый был явно ошарашен тем, что отец так резко перебил его. Разочарование проявилось на его лице. Цезарю стало больно от его реакции, но он почувствовал необходимость сказать кое-что еще, пока все не зашло слишком далеко. Он уважал советы и увлеченность сына, но это решение не могло приниматься быстро и в конечном итоге должно быть принято им.

Придет день, когда Голубоглазый станет вожаком обезьян.

Но не сегодня.

– Вас там было всего четверо, сын, – попытался объяснить он. – А нас здесь – сотни.

– Ты сказал, что это опасно, – добавил Морис. – Особенно пройти мимо людей при выходе из леса.

Перспектива возглавить многочисленный исход обезьян, включая самок и детей, старых и ослабленных, из безопасности леса, была весьма устрашающая, несмотря даже на обещание более безопасного места в конце путешествия.

– Доверься, мне, отец, – голос Голубоглазого звенел от напряжения. – Этот риск того стоит.

«Возможно», – подумал Цезарь. Да и оставаться на старом месте тоже было очень рискованно.

Голубоглазый обратился к Корнелии, сидевшей рядом с мужем.

– Мама?.. Что ты об этом думаешь?

«Если ты веришь в это место, – ответила она жестами, – то я тоже в него верю. Но твой отец прав. Мы должны внимательно все обдумать».

Надо отдать ему должное, Голубоглазый согласно кивнул, без возражений принимая ее точку зрения. Цезарь воспринял это как еще одно доказательство того, как сильно повзрослел его сын за эти годы. Выражение его лица смягчилось, и он обратился к совету.

– Мы прошли через многое. Но сегодня... мой сын принес нам надежду.

Он неторопливо прошел вперед и, нежно улыбнувшись, положил руку на голову Голубоглазого. Ему не хотелось, чтобы эта распря продолжалась между ними, бросая тень на столь долгожданное возвращение домой его сына.

– Так приятно тебя видеть, – от сильного чувства у вожака перехватило горло, и голос дрогнул. – Я очень горжусь тобой.

Он надеялся, что Голубоглазый никогда в этом не усомнится.

5

Ритмично били барабаны, перекрывая рев водопада; сумерки опустились над лесом, раскрасив горизонт яркими оттенками лилового и малинового. Все население крепости, молодежь и старики, собралось на берегах реки, чтобы попрощаться с теми, кого убили люди. Барабаны стучали по инструментам руками и ногами, как будто это было биение тех сердец, которые остановились навсегда. Плакальщики пели в ритм с барабанами. Дикие цветы украшали тела павших, лежавшие на больших неосвещенных деревянных помостах. Шимпанзе, гориллы, орангутанги и бонобо покоились вместе, так же как и жили.

В отличие от людей, обезьяны все еще вынуждены были разделяться по видам, противопоставляя один вид другому. Иногда Цезарь думал, что объединялись они только из-за того, что боролись с общим врагом. И молился, чтобы разделение на виды прекратилось, когда человеческая угроза исчезнет.

«Вместе обезьяны – сила».

Сопровождаемый друзьями и семьей, Цезарь печально смотрел на то, как несущие факелы обезьяны подошли к помостам, которые были больше, чем ему бы хотелось. Десятки обезьян ждали, когда приближающийся огонь поглотит тела. Трагическая потеря обезьяньих жизней внушала Цезарю отвращение.

Морис заметил боль в его глазах.

«Ты чувствуешь себя ответственным за это», – показал он жестами.

– Я за это в ответе, – тихо сказал Цезарь. – Наши дети уже привыкли к кровопролитию.

«Коба начал эту войну, – снова жестами ответил Морис. – Это его надо винить».

– Нет, – Цезарь покачал головой. – Я должен был предвидеть... что он не сможет забыть того, что люди с ним сделали. И что он захочет отомстить им. Я был слеп.

До того как Цезарь освободил его, Коба был подопытным лабораторным животным, над которым ставились жестокие эксперименты, – он научился от людей только ненависти. В конце концов эта ненависть заставила его предпочесть войну – миру и восстание – верности Цезарю. И люди, и обезьяны до сих пор платили за месть Кобы, хотя эта коварная обезьяна уже давно была мертва.

– Он был моим другом, – сказал Цезарь. – И его кровь – тоже на моих руках.

Факелы подожгли помосты. Липкая смола трещала и пузырилась, заставляя огонь расползаться быстрее, пока тела мертвых не затерялись во взметнувшихся ввысь языках желто-оранжевого пламени. Цезарь чувствовал на своем лице и шкуре жар от огня. Маленький Корнелиус, укрывшийся на руках у матери, скулил от страха при виде громадных языков пламени. Корнелия, чтобы успокоить малыша, гладила его по голове. Ее глаза были влажными от горя.

– Никто не знал, какая тьма жила у него внутри, – настаивал Морис.

Цезарю очень хотелось в это верить.

От помостов летели искры, дым и языки пламени, наверное, вместе с душами принявших мученическую смерть обезьян. Цезарь знал, что люди верили в загробную жизнь, где живые когда-нибудь встретятся с мертвыми. Цезарь точно не знал, будет ли так же и с обезьянами и хочется ли ему этого.

Потому что это значило бы, что он снова встретится с Кобой.

* * *

«Жизнь Кобы была в руке Цезаря. Предатель качался высоко над опустошенными развалинами не достроенного людьми небоскреба в разрушенном Сан-Франциско. Дым, языки пламени и алые тлеющие угольки летели из подвала здания, взрыв в котором только что обрушил большую часть строения, ранив нескольких обезьян и едва не убив Цезаря и Кобу, дравшихся за место водителя. Цезарь, раненый и истекающий кровью, стоял на шаткой стальной балке, держа в своей руке руку Кобы. Только иссякающая сила Цезаря удерживала Кобу от падения вниз с высоты нескольких сотен метров.

Коба смотрел на Цезаря единственным здоровым глазом, другой глаз он потерял из-за людей задолго до того, как две обезьяны в первый раз встретились. Старые шрамы были свидетельством экспериментов, которые проводились над ним людьми много лет назад, но кто простит Кобе его собственные преступления? Он организовал заговор против Цезаря, пытался совершить на него покушение и устроил широкомасштабное нападение на колонию людей, которое почти навсегда уничтожило надежду на мир между людьми и обезьянами. Если кто-то и заслуживал смерти, это был Коба.

Цезарь боролся со своей совестью. ОБЕЗЬЯНА НЕ ДОЛЖНА УБИВАТЬ ОБЕЗЬЯНУ – это был первый закон, которому он научил свой народ после того, как обезьяны стали умнее. Он всем сердцем верил в этот закон.

Но Коба больше не заслуживал, чтобы к нему относились как к обезьяне.

Цезарь выпустил руку Кобы из своей руки и стал наблюдать за тем, как тот падает вниз. Вопя от страха, Коба мчался навстречу своей гибели, бесконечно падая в ревуций внизу огонь, сверкавший как погребальный помост...»

– Коба! – вскрикнул Цезарь, очнувшись от кошмара. Его зеленые глаза раскрылись, а сердце стучало как погребальные барабаны, которые всего несколько часов назад провожали в последний путь мертвых.

Освободившись из горящего небоскреба в своем кошмаре, он обнаружил себя в собственном жилище, в крепости. Это была небольшая пещера на верхнем уровне скалы, спрятавшаяся за каскадами падавшей воды, которая формировала одну из стен этой пещеры, как раз напротив удобной кровати, которую Цезарь сделал своими собственными руками, когда обезьяны только начали расселяться в пещерах за водопадами. Корнелия и их младший мирно спали рядом с ним, и предатели не беспокоили их сон. Голубоглазый спал рядом на своей собственной кровати, сон его был глубок и спокоен после его героического путешествия.

Цезарь подозревал, что Голубоглазому вскоре понадобится собственное жилище, которое он разделит с Озером, но сейчас вождь наслаждался тем, что вся его семья находится вместе с ним в одном месте.

Воспоминания о смерти Кобы возвратились в прошлое, и Цезарь погрузился в настоящее, прогнав от себя кошмар. Он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Его бешено колотившееся сердце застучало спокойнее. Лунный свет сочился сквозь падающую воду, заливая пол пещеры приглушенным голубоватым сиянием. Уже не в первый раз вид и звук падающей воды успокаивал Цезаря. Он все еще скучал по их старому дому на деревьях, где обезьяны жили и процветали до войны с Кобой, но уже начал привыкать к их новому жилищу в крепости, которое было более безопасным и которое людям труднее было отыскать. Если

можно было верить этому солдату, Пастору, люди все еще никак не могли найти их надежно спрятанную крепость.

А сейчас Голубоглазый захотел, чтобы Цезарь снова сдвинул с места свой народ?

Окруженный своей семьей, Цезарь смотрел на залитую лунным светом воду, бесконечно падавшую вниз перед его бессонным взглядом. Была в водопадах какая-то грубая красота, по которой он, вне всякого сомнения, будет скучать, если они на самом деле решатся...

Три темные тени, скрытые вуалью падающей воды, спустились мимо отверстия, быстро пропав из виду.

Цезарь моргнул в замешательстве, не уверенный в том, что он увидел. Мутные неразличимые силуэты исчезли так же быстро, как и появились, еще до того, как он смог отметить для себя их появление. Или это были шутки пенящейся воды и лунного света? Он осторожно встал с кровати, не потревожив Корнелию и ребенка, и медленно подошел к воде, которая выглядела как всегда. Цезарь даже на какое-то время уверил себя, что усталые глаза подвели его, но потом он заметил кое-что необычное. Странная тонкая веревка свисала сбоку от водопада, качаясь под ударами падающей воды.

Раньше ее там не было.

Озадаченный, Цезарь неуверенно протянул руку к веревке, а потом, отбросив все предосторожности, сунул руку в ледяную воду и схватил. Пальцы вцепились в нее и потянули из воды. Это была отличная красная нейлоновая веревка.

Альпинистская веревка.

Догадка озарила сознание, и внезапный удар страха разогнал остатки полуночной дремы. Мгновенно насторожившись, он повернулся к своей семье и увидел заворочавшегося Голубоглазого. Сев на кровати, полусонный шимпанзе мутными глазами смотрел на своего отца. На его лице было написано смятение.

«Оставайся здесь, – жестами приказал Цезарь. – Защищай мать и брата».

Голубоглазый в один момент оценил ситуацию и понял, что она смертельно опасна. Он мрачно кивнул, особо не вникая в причины критического положения. Цезарь пожалел, что у него не было времени для объяснений, но он прекрасно понимал, что очень нужен в другом месте.

«Люди все-таки нашли нас. Обезьяны в опасности».

* * *

Три молчаливых фигуры быстро и деловито передвигались по темным коридорам спрятанной в горе крепости. Ревущий водопад, который так долго помогал скрывать обезьянье логово, сейчас приглушал звук шагов ударного отряда. Его командир криво улыбнулся в темноте, оценивая иронию ситуации.

«Люди видят – люди делают».

Солдаты, в поисках главной цели, продвигались вперед, изумрудные лучи лазерных прицелов скользили по покрытым мхом гранитным катакомбам. Нигде не встретив сопротивления, они дошли до развилки коридора.

Командир не сомневался. Не смутившись дилеммой, он махнул рукой двум оставшимся солдатам идти налево, а сам повернул направо.

«Аты-баты, шли солдаты...» – подумал он.

* * *

Цезарь осторожно крался по залам спящей крепости, направляясь вниз по узкому извилистому проходу. Он разрывался между объявлением всеобщей тревоги, которая могла спро-

воцировать вторгшегося внутрь противника прекратить скрытное передвижение и открыть беспорядочный огонь, и попыткой напасть на людей из засады, прежде чем они поймут, что их вторжение обнаружено. У Цезаря было преимущество неожиданности перед противниками, которые не ожидали, что он охотится за ними. Может быть, у него был шанс прекратить атаку до того, как она началась?

Или он просто обманывал себя?

Повернув за угол, он наткнулся на громадную неуклюжую фигуру. Испугавшись, он отпрыгнул назад, но потом услышал глубокое знакомое ворчание. Лука стоял на часах в коридоре, баюкая в громадных лапах ружье. Недремлющий самец гориллы удивленно посмотрел на Цезаря, явно желая понять, что его вожак делает здесь в такой поздний час. Его глаза удивленно расширились под нависшими бровями.

«Цезарь, – жестами спросил он, – все в порядке?»

Цезарь покачал головой:

– Сколько наших еще дежурит?

«Пять? – горилла вытянул пальцы. – Шесть?...»

– Бери их! – приказал Цезарь. – Ракета, давай сюда!

* * *

Корнелия пряталась за покрытыми мхом камнями. Она находилась в своем жилище, а ее младший сын прижимался к ее спине. Обычно эти камни служили им мебелью – стульями, столами, полками, – но сейчас они защищали ее и ее сыновей от угрозы, крадшейся по спящей крепости. Напрягая слух, она не слышала ни криков, ни звуков борьбы, но знала, что Цезарь не стал бы приказывать Голубоглазому защищать ее и маленького Корнелиуса, если бы угроза не была реальной и серьезной, а это значило только одно...

Люди.

Голубоглазый знаками приказал Корнелии и малышу встать позади него. Он крепко сжал в руках заточенное деревянное копьё, защищая погруженную в полумрак пещеру, которая освещалась только лунным светом, прорывавшимся сквозь водопад, и ярко-зеленым лучом, светившим внутрь жилища из коридора. Корнелия знала достаточно о человеческих инструментах и оружии, узнала она и этот неестественный луч света и вспомнила, как это называлось.

Лазер.

Этот изумрудный луч свидетельствовал о том, что враг проник в крепость и приближается к ним. Присев на корточки между ней и врагом, Голубоглазый внимательно смотрел на луч лазера. Его тело напряглось, готовое к прыжку, в то время как жуткое зеленое сияние наполняло жилище, холодно и методично освещая его внутренности. Уши Корнелии слегка приподнялись – у входа в пещеру были слышны осторожные шаги и чье-то дыхание, они приближались...

На какое-то мгновение память вернула ее в те времена, когда она томила в заключении в человеческой лаборатории, запертая в клетку, в постоянном ожидании ученых, которые приходили и проводили над ней свои жестокие «эксперименты». Сейчас она чувствовала себя такой же беззащитной и испуганной, разве что теперь она опасалась еще и за безопасность своих детей.

«Оба моих сына в опасности».

Едва расплывчатая фигура нарушила неприкосновенность их жилища, Голубоглазый прыгнул вперед. Корнелия отпрянула назад, закрыв рукой глаза Корнелиусу, и в этот момент в их пещере разыгралась жестокая схватка – темные силуэты бойцов выделялись на фоне залитых лунным светом струй водопада. Зеленый луч хаотично запрыгал по стенам, угрожая осле-

пить ее, если попадет прямо в глаза. Ночную тишину нарушили плохо различимое ворчание и стоны. Она сморщила нос, учуяв запах пролитой крови.

Человеческой крови.

Голубоглазый стоял, глубоко дыша, над телом жертвы. Это была черноволосая человеческая женщина в мокрой военной униформе. На лице – смазанная маскировочная краска. На безволосой шее татуировка – АΩ. На полу пещеры валялась автоматическая винтовка, которой едва касались ее обмякшие неподвижные пальцы. Яркая артериальная кровь сочилась из глубокой раны над ее сердцем и капала с наконечника копья Голубоглазого.

«Один человек мертв, – подумала Корнелия, – но сколько их еще осталось?»

Она пришла в ужас от жестокости, но чувствовала облегчение от того, что это Голубоглазый стоял над мертвым человеком, а не наоборот. Благодарная за его защиту, она гордо взглянула на своего первенца, как раз в тот момент, когда еще один зеленый лазерный луч нацелился ему в затылок.

– Нет! – открыла она рот, чтобы закричать. – Только не мой сын!

* * *

Солдат осторожно пробирался по темному узкому коридору, лазерный луч прицела освещал ему путь в крошечной тьме туннеля. Боязливо оглянувшись, он зашептал в микрофон гарнитуры:

– Внизу ничего нет, Полковник. Есть какие-нибудь следы?

В темном проходе он почти не видел, что находилось перед ним или приближалось к нему сзади. С тревогой ожидая новых приказаний своего командира, солдат не заметил поджарую серую фигуру, возникшую из темноты у него за спиной и неслышно приближавшуюся к нему.

– Полковник?..

Мощные руки, во много раз сильнее человеческих, схватили человека сзади и ударили о гранитную стену так легко, как будто он был тряпичной куклой. Плоть и кости хрустнули о твердый камень. Маленькие вспышки, вылетевшие из дула ружья, заканчивавшегося глушителем, беззвучно осветили коридор, когда палец солдата в смертельном спазме непроизвольно нажал на курок. Потом темнота снова заполнила проход, и безжизненное тело солдата мешком упало на пол. Кровь запачкала стену в том месте, где голова солдата соприкоснулась с камнем.

Мигающий свет факела заполнил проход, осветив склонившегося над солдатом Ракету. Торжествующий шимпанзе как раз собрался поднять солдатскую винтовку. Он посмотрел на спешащих к нему Цезаря и Луку. Самец гориллы шел за Цезарем, держа в руке факел. Цезарь был поражен тем, как быстро Ракета расправился с солдатом, но его друг был скорее обеспокоен, чем взволнован убийством.

«Я слышал, как он разговаривал, – показал Ракете жестами, указывая на труп. – Полковник... он здесь!»

Глаза Цезаря расширились. Он взял у Луки факел и прошел вперед, чтобы посмотреть на мертвого человека. Свет факела упал на тело, принадлежавшее Тревису, одному из тех солдат, которым Цезарь даровал жизнь. Цезарь помнил, что тот был нервным и возбужденным, хотя безжизненное лицо мужчины больше никаких чувств не выражало. Цезарь нахмурился, осознав, что мгновение милосердия дало Тревису всего несколько часов жизни и, возможно, подвергло опасности их всех.

«Как они нашли нас? – подумал Цезарь. – Я был уверен, что они за нами не следили».

Захрипели помехи, и из гарнитуры мертвеца послышался грубый голос.

– Я взял его, солдат...

Цезарь сорвал гарнитуру и приложил наушник к уху.

– Я взял его, – повторил голос. – Пора уходить.

Цезарь слушал эти слова с растущим чувством ужаса. Он понимал, что может быть только один «его», за которым приходили солдаты.

«Это я, – дошло до него. – Они пришли за мной».

Но если они по ошибке схватили другую обезьяну, это могло значить только одно...

«Моя семья!»

Запаниковав, Цезарь бросил факел и помчался, отталкиваясь от стен, по крепости, оставив Ракету и Луку далеко позади, в безнадежной попытке вернуться в свою пещеру, хотя он и боялся, что будет слишком поздно.

«Я не должен был оставлять их одних!»

Он ворвался в жилище как раз в тот момент, когда одинокая фигура вытащила из водопада веревку и пристегнула ее к карабину на своем поясе. Выделяясь на фоне залитого лунным светом водяного каскада, она повернулась в сторону Цезаря, услышав, как тот приближается. В первый раз Цезарь увидел пресловутого вождя людей.

«Полковник».

В полутьме оскверненного жилища он представлял собой кошмарную фигуру. Жирная камуфляжная краска скрывала черты его лица под бритым черепом, который был более голым, чем у Ракеты. Лицо украшала борода песчано-коричневого цвета, а безжалостные голубые глаза были обведены черными тенями. Военная униформа была еще влажной от предыдущего восхождения на водопад. На плече висела винтовка.

При виде Цезаря мужчина вытаращил глаза, и его взгляд метнулся с Цезаря на что-то, лежавшее на полу. Обезьяна проследила за взглядом и увидела – Голубоглазый безжизненно распростерся на полу, с раной от пули в затылке, недалеко от трупа человека-солдата. Рядом с ним лежала Корнелия с ярко-красным отверстием между глаз. Было чудовищно и болезненно очевидно, что этих двоих уже невозможно было спасти.

Его жена... его сын... их больше не было.

На мгновение время остановилось и окружающий мир с грохотом рухнул на него. Он закачался, ослабев каждым мускулом, и вдруг заметил, что Полковник все еще стоял на своем месте, всего в нескольких метрах от своих жертв.

Ярость охватила Цезаря. Обнажив клыки, он зарычал на убийцу, который поспешно сорвал с плеча винтовку. Чувство самосохранения заставило Цезаря броситься в укрытие за ближайшим большим камнем, и в этот момент Полковник открыл огонь. Дуло винтовки ярко вспыхнуло, и пули защелкали по камням, защищавшим Цезаря, который испугался, что камень долго не выдержит. Но яростный рев множества обезьян, мчавшихся к жилищу, убедил Полковника, что лучше будет предпринять стратегическое отступление. Попытившись к водопаду, он закричал в микрофон.

– Вытаскивайте меня! Быстро!

Отвернувшись от Цезаря, Полковник бросился прямо сквозь водопад на открытое пространство. Подняв голову над камнями, Цезарь наблюдал за тем, как человек качается на веревке с другой стороны водопада, едва различимый сквозь пенящиеся потоки воды. Он в смятении наблюдал, как Полковника, который крепко держался за туго натянутую нейлоновую веревку, поднимали вверх. Прочь от входа в пещеру.

– Нет!

Цезарь выскочил из укрытия, кинувшись за Полковником, но было слишком поздно. В жилище ворвались обезьяны. Он промчался мимо них, мимо Ракеты и Луки, которые в ужасе наблюдали за тем, как Цезарь бросился в водопад за Полковником.

– Ты не уйдешь от меня! Я не дам тебе уйти!

Одержимый мстью, он почти не замечал, как холодные струи воды хлестали его, пока он пробирался сквозь водопад, в сотнях метров от бурлившей внизу реки. Его бившие по воздуху руки наконец ухватились за веревку, которая яростно задергалась под его весом. Изо всех сил

ухватившись за нее, он посмотрел на Полковника, который был уже высоко над ним, почти достигнув вершины водопада. Внезапное подергивание веревки насторожило Полковника, он посмотрел вниз и увидел, что Цезарь быстро карабкается вслед за ним.

– Ты убил мою семью! Твоя жизнь кончена!

Невозмутимо взглянув на карабкавшуюся за ним мстительную обезьяну, Полковник вытащил из ботинка карбоново-стальной боевой нож и хмуро взглянул на Цезаря, который карабкался вверх по веревке, как только могут карабкаться обезьяны, почти догнав человека. Цезарь оскалил клыки и десны, не желая ничего, кроме как разорвать Полковника на куски своими собственными руками.

Однако этот шанс ему не представился, поскольку нож Полковника перерезал кусок веревки между ними, отрезая висевшего на ней Цезаря. Цезарь стремглав полетел вниз, в воду, все еще пытаясь на лету схватить своего врага.

Он тяжело ударился о воду, удар выбил из него воздух, и он скрылся в покрытой пеной реке. Внезапное погружение отрезвило его, и он, неистово забил руками и ногами, пытаясь выплыть. Пробив головой поверхность воды, глотая ртом воздух, он все равно продолжал неистово искать убийцу. Отчаяние и безысходность когтями вцепились в его сердце, когда сквозь холод и водяной туман он увидел, как Полковник исчезает за вершиной скалы, в сотнях метров от Цезаря.

Убийца сбежал.

«До поры, – горько подумал Цезарь. – Только до поры».

6

Цезарь молча смотрел, как тела Корнелии и Голубоглазого подняли с залитого кровью пола, вместе с телом мертвой солдата-женщины, к чьим останкам относились со значительно меньшим почтением. Все еще мокрый после падения в реку, он сидел неподвижно, погруженный в водоворот горя и ярости, пока тихие и внимательные обезьяны уносили его жену и первенца. Его ближайшие друзья, Лука, Ракета и Морис, стояли рядом с ним, разделяя его горе, но Цезарь был слишком погружен в себя, чтобы оценить их присутствие. Только вулканическая сила его взгляда говорила о всепоглощающей ярости, разгоравшейся у него внутри. Его сердце было таким же безжалостным и беспощадным, как пули, убившие тех, кого он так любил.

«Как они нашли нас? – жестами спросил Ракета Луку. – Как они узнали, где спит Цезарь?»

Лука, отвечая, недоуменно покачал головой: «Об этом знали только обезьяны».

Две молодые гориллы вошли в жилище и начали о чем-то докладывать Луке, который, будучи вожаком гвардии горилл, отвечал за безопасность крепости. Обезьяны бросали опасливые взгляды на Цезаря, рассказывая не предвещавшие ничего хорошего новости.

– Снежка не было на посту, – знаками показал один из них. – Мы нигде не можем его найти.

Цезарь внимательно прислушивался к разговору, но оставался недвижимым, как камень. Лука и Морис обменялись обеспокоенными взглядами – тяжесть принятия решений могла быть переложена на них.

«Он мог пойти против нас? – знаками спросил Морис».

Цезарю припомнился явный страх и беспокойство белой гориллы, когда он столкнулся с возможностью того, что Полковник со своими солдатами будет охотиться за ним. Вполне возможно, предположил он, что Снежок был просто дезертиром, сбежавшим из крепости, чтобы искать убежища где-нибудь еще, но как тогда люди нашли спрятанную обезьянью крепость и знали, где искать Цезаря? Как только что заметил Лука, только обезьяны могли раскрыть эту тайну.

А Снежок исчез.

Подозрение превратилось в уверенность, когда Цезарь нашел еще одну цель для своего гнева. Лука, по всей видимости, пришел к такому же заключению, поскольку он повернулся к Цезарю с выражением глубокого раскаяния на своем широком лице.

«Прости, Цезарь, – на языке жестов сказал он. – Снежок был из моей команды».

Цезарь ничего не сказал, но он не винил Луку за вероломство Снежка. Он знал, что такое быть преданным обезьяной, которой ты доверял. Он не хотел верить в предательство Кобы, хотя многое намекало на это.

– Мой младший сын, – наконец спросил Цезарь. – Где он?

Он боялся услышать, что Корнелиус тоже погиб, поскольку трудно было вообразить, что малыш выживет там, где не выжили его мать и старший брат. Хотя Полковник искал взрослого шимпанзе, а не малыша. Могло ли быть такое, чтобы убийца просмотрел Корнелиуса?

«Его все еще ищут», – знаками ответил Лука.

«Его или его тело», – подумал Цезарь. Он отвернулся от Луки, не желая узнать, что имела в виду печальная седая обезьяна. Он не был уверен, сможет ли пережить потерю своего последнего сына.

– Помогите им в поисках, – приказал Морис оставшимся обезьянам.

Цезарь понял, что орангутанг хотел дать ему шанс оплакать погибших в одиночестве. Он жестом поблагодарил Мориса, который выпроводил всех из пещеры, оставив Цезаря наедине с его горем.

И гневом.

Цезарь ждал, когда придут слезы, но его желание отомстить разгорелось слишком сильно, не позволяя ему заплакать. Его взгляд наткнулся на то место, где он нашел тела Голубоглазого и Корнелии, лежавшие на жестком холодном полу. Пролитая ими кровь просочилась в пористый камень, оставив на поверхности клеймо убийства. Копье Голубоглазого лежало рядом с тем местом, где покоилось его тело. Его окровавленный наконечник говорил о том, что Голубоглазый погиб, пытаясь защитить свою семью, но это было слабым утешением для его отца. Пошевелившись наконец, Цезарь осознал, что его притягивает к этому месту. Он, как в трансе, пошел к нему на подгибающихся ногах.

В лунном свете блестели две латунные гильзы. Цезарь сел на корточки, чтобы рассмотреть их, не в состоянии отвести глаз от этих улик. Гильзы были вещественным доказательством того, что здесь произошло, заставляя его согласиться с фактом, что это не был еще один кошмар, от которого он вскоре должен очнуться и найти свою семью живой и невредимой. Корнелия и Голубоглазый не просто спали, пока он видел во сне войну и предательство они на самом деле ушли навсегда.

Но... всего две гильзы?

Он протянул к ним руку, но внезапно вздрогнул от слабого шума у себя за спиной. Зарывшись, он схватил с пола копье и резко повернулся, чтобы встретиться с тем, кто посмел проникнуть в его дом. Его ярость и безумное желание отомстить за свою семью были столь сильными, что он только через несколько мгновений понял, что шум исходил не от какого-то спрятавшегося человека-убийцы, а от его собственного испуганного ребенка, который со страхом выглядывал из темной расселины в камнях. Широко раскрыв глаза, Корнелиус сжался при виде Цезаря, потрясавшего окровавленным копьем.

– Корнелиус!

Придя в себя, Цезарь был поражен испуганным выражением на лице сына. Опустив копье, он смягчил выражение своего лица и опустился на колени перед окаменевшим ребенком. Он протянул к нему руку, но Корнелиус отказался выходить из расселины. Цезарь понял, что все это время его сын прятался в камнях, боясь выйти наружу. Он не мог винить Корнелиуса в том, что тот испугался. Совсем недавно на глазах малыша жестоко убили его мать и брата.

«И рядом не было отца, чтобы защитить его, – подумал Цезарь. – Чтобы защитить их всех».

Выдавив улыбку, Цезарь поманил к себе единственного оставшегося в живых сына, но испуганные глаза Корнелиуса были прикованы к копыю в руках его отца. Цезарь со стыдом осознал, что все еще держит в руке оружие. Двигаясь осторожно, чтобы не испугать Корнелиуса, он тихо положил копые на пол и вытянул вперед руки.

«Иди ко мне, сын, – подумал Цезарь. – Не бойся».

Рыдая, маленький шимпанзе осторожно выбрался наружу и подошел к отцу. Цезарь пригнул его к себе и крепко обнял; его сердце заболело, когда он почувствовал, как маленькое тельце Корнелиуса содрогается у него в руках. У него перехватило горло, и он ничего не смог бы сказать, даже если бы очень постарался.

Спасение Корнелиуса было просто чудом.

Но Цезарь был намерен отомстить, несмотря ни на что.

* * *

Большинству обезьян вход в арсенал был воспрещен – Цезарь хорошо выучил жестокий урок, который преподавал ему Коба: не всем обезьянам можно доверять оружие. Оружие, захваченное у людей после разных стычек, стояло рядами вдоль мрачных стен пещеры, там же щедро были разложены боеприпасы. Цезарь был в арсенале один. Он взял в руки штурмовую винтовку и начал внимательно ее рассматривать.

Через единственный вход в пещеру вошел Морис. Цезарь оглянулся на него и увидел беспокойное выражение в добрых карих глазах орангутанга. Он отвернулся от Мориса, снова обратив внимание на оружие. Отложив в сторону винтовку, он начал осматривать другую, но Мориса нельзя было игнорировать. Он кашлянул, пытаясь обратить на себя внимание Цезаря.

«Мы должны подумать о том, что нам теперь делать, – объяснил он жестами. – Теперь люди знают, где мы находимся. Они вернутся».

Цезарь кивнул, продолжая вертеть в руках винтовку.

– Скажи всем... чтобы приготовились к путешествию... в наш новый дом.

Цезарь вспомнил, что именно этого хотел Снежок перед тем, как предать их. Горькая ирония не ускользнула от Цезаря. Если бы он прислушался к мольбе охваченного ужасом Снежка и приказал немедленно начать эвакуацию, остались бы в живых Корнелия и Голубоглазый? Могли бы они уйти до того, как люди напали на них?

– Это очень мудрое решение, – сказал Морис с явным облегчением. – И лучший способ почтить память твоего сына.

Цезарю понравилась эта мысль, но он не был готов проливать слезы, пока не отомстит за свою семью, а Полковник все еще был жив. Он продолжал осматривать ружья, пытаясь найти то, которое было в самом лучшем состоянии. Он не мог рисковать, когда дело касалось предстоящей трудной задачи.

Морис задержался в арсенале, ожидая Цезаря. Он переминался с ноги на ногу и поглядывал на Цезаря, но шимпанзе был поглощен выбором оружия. Морис тихо кашлянул.

Цезарь посмотрел на него, недовольный тем, что ему помешали, хотя он прекрасно понимал, что Морис думал только о благополучии их народа. Орангутанги-самцы по своей природе были одиночками, так что у Мориса не было семьи, о которой нужно было заботиться, но он всегда был верен обезьяньему сообществу.

– Когда мы тронемся в путь? – спросил он.

Цезарь выбрал винтовку, взвесил ее в руках.

– Я с вами не пойду.

На лице Мориса появилась тревога. Он взволнованно посмотрел на Цезаря, с запозданием поняв намерения друга.

– Ты не пойдешь вместе с нами?

Цезарь не знал, есть ли у него выбор. Крепко сжимая в руках винтовку, он яростно смотрел в пространство, внутренне желая, чтобы Полковник немедленно оказался у него в перекрестье прицела.

– Я пойду за ним.

* * *

Наступило утро, приготовления к походу заканчивались. Все население высыпало из крепости на берег реки. Обезьяны всех видов спешно грузили на выючных лошадей всевозможный провиант и скарб, который хотели взять с собой в дорогу. Это было амбициозное предприятие, но никто не оспаривал его необходимость. Нападение, совершенное прошлой ночью, смерть жены и наследника Цезаря – этого было более чем достаточно, чтобы убедить обезьян в том, что крепость больше не является для них надежной защитой. Обеспокоенные глаза оглядывались на деревья в постоянном ожидании того, что люди вернутся и снова нападут. На часах стояли вооруженные обезьяны, пока остальные готовились выступить на поиски нового дома, который видели немногие из них. Из четырех обезьян, которые знали дорогу к месту нахождения, три были еще живы.

Головы повернулись в сторону Цезаря, который пробирался через толпу, держа в своей руке маленькую ручку Корнелиуса. Занятые своим делом обезьяны бросали работу и жалостливо смотрели на своего погруженного в скорбь вожака, оплакивая свалившееся на него горе. Приглушенный шепот и скорбные взгляды сопровождали Цезаря, который смотрел прямо перед собой, игнорируя симпатию и сочувствие, которые выражал ему его народ. Позже будет достаточно времени для траура – может быть. А сейчас его ум был сосредоточен на одной-единственной задаче.

Нужно удостовериться в том, что его единственный оставшийся в живых сын находится в безопасности.

Он нашел своих приближенных ожидающими его чуть дальше по реке, вдали от водопада. Морис, Лука и Ракета стояли на берегу, печально наблюдая за тем, как он приближается к ним вместе с маленьким Корнелиусом. Озеро особенно внимательно смотрела на ребенка, который, что вполне понятно, был встревожен и подавлен, она же пыталась ободряюще ему улыбнуться. Она взглянула на Цезаря.

– Ты любила моего сына, – сказал он ей. – Пригляди за его братом... пока я не вернусь.

Голос у него был мрачный, а выражение лица непреклонное. Только его глаза говорили о том, как тяжело ему было, и о мучительной боли, которую он испытывал.

Глаза Озера наполнились слезами. Она мрачно кивнула и сказала при помощи жестов: «Даю тебе слово».

Цезарю этого было достаточно, но Морис сделал шаг вперед. Казалось, он все еще не примирился с тем, что происходило. Он покачал громадной головой и посмотрел на Цезаря с сомнением на лице.

– А если ты не вернешься?

Цезарь слегка помедлил, прежде чем ответить.

– Тогда сделай так, чтобы он знал, кем был его отец.

Озеро присела на корточки перед Корнелиусом и, нежно улыбаясь, протянула ему руку, но малыш еще крепче вцепился в руку Цезаря. Он вопросительно посмотрел на отца, как будто боясь потерять и его. Сама мысль о том, что ему придется оставить ребенка в такой момент,

разбила то, что осталось от сердца Цезаря, но его решимость отомстить Полковнику осталась неизменной. Он подтолкнул Корнелиуса к Озеру, а Морис снова попытался отговорить его.

«Цезарь, ты нужен своему сыну, – жестами показал орангутанг. – Ты нужен нам. Мы доверяем тебе, води нас».

В словах Мориса звучала мудрость, Цезарь понимал это, но его друг до сих пор не понял, как сильно вождь стремился к мести. Внутри ничего больше не осталось, кроме желания отомстить. Он не будет отцом своему сыну и вожаком своему племени, если мысли об отмщении будут тревожить его каждую свободную минуту. Он посмотрел на Корнелиуса, вспомнив, как близок был к тому, чтобы пронзить копьем своего собственного сына несколько часов назад. Страх на лице малыша, в ужасе смотревшего на гнев своего отца, опалил память Цезаря.

– Я больше себе не доверяю, – признался он.

Унылое выражение напоззло на лицо Мориса, и он замолчал, явно не зная, чем на это возразить. Меланхолическая интерлюдия была прервана появлением Дротика в сопровождении двух лейтенантов-шимпанзе – Цезарь специально вызвал его. Он был поражен тем, как храбро вела себя эта обезьяна во время вчерашнего нападения. Храбрость Дротика и его сообразительность спасли много жизней.

– Теперь обезьяны... под твоей опекой, – сказал Цезарь.

Он просил Луку вести племя на новое место, но самец гориллы отказался. Наверное, все еще винил себя за предательство Снежка. Ракета тоже не захотел занять это место – по причинам, которые Цезарь не вполне понимал. Возможно, он тоже полностью не доверял себе? Они все много страдали за последние годы. Ракета тоже потерял своего сына, Эша, – из-за безумных поступков Кобы несколько лет назад. Вне всякого сомнения, смерть Голубоглазого тоже поразила Ракету в самое сердце. Эш и Голубоглазый были лучшими друзьями, они выросли вместе, а сейчас оба ушли навсегда.

«Пусть тогда Дротик возьмет на себя руководство, – подумал Цезарь. – Новый вождь поведет наше племя к новому дому».

Дротик без возражений принял на себя ответственность. Торжественно кивнул.

– Когда ты присоединишься к нам? – спросил он.

– Не знаю, – Цезарь изобразил улыбку, не испытывая особой радости. – Очень скоро, я надеюсь. Будь осторожен.

Дротик опустился на колени и молитвенно вытянул вперед раскрытую ладонь. Цезарь благословил молодую обезьяну, внутренне сомневаясь в том, что сам когда-нибудь увидит тот рай, который нашел Голубоглазый. На самом деле Цезарь не знал, выйдет ли он живым из той миссии, которая ожидала его. Возможно, убийство Полковника будет стоить ему жизни.

Он считал это честным обменом.

Дротик поднялся с колен и уехал исполнять наставления Цезаря. Через несколько часов, еще до того, как солнце оказалось в зените, караван был готов тронуться в путь. Дротик ехал впереди, подавая отрывистые команды сообществу. Обезьяны ехали на лошадях, помогая, когда нужно, молодым и старым, выстроившись вслед за Дротиком и авангардом. Сотни обезьян, а еще лошади и припасы. Цезарь бросил взгляд на свое племя, внутренне пожелав им всего хорошего на их длинном пути, а потом повернулся спиной к каравану и пошел в противоположном направлении. Его одинокая фигура двигалась против толпы, пока он не подошел к своей лошади и не сел на нее. Он ударил лошадь ногами в бока, посылая ее вперед.

На берегу реки он оставил своих друзей и своего сына. Отъезжая, он чувствовал на себе их взгляды.

Но не обернулся.

Цезарь в одиночестве ехал по лесу, ружье висело у него за спиной. Какое-то время до него еще доносились звуки громадного каравана, двигавшегося прочь от водопада, но шум постепенно стихал, и он продолжал свой путь по старой, созданной руками человека дороге. Палаая листва закрывала потрескавшийся, в ямах, асфальт, все еще разделенный посередине нарисованной желтой полосой. Неподалеку стоял брошенный грузовик с выцветшим логотипом давно забытой компании по производству газированных напитков. Казалось, весь лес был в полном распоряжении Цезаря, но внезапный хруст у него за спиной заставил его насторожиться. Он развернул лошадь и стал всматриваться в тенистый лес, готовый к бегству или к бою, если потребуется. Он поудобнее перехватил винтовку и снял ее с предохранителя. Раньше и его, и его обезьян часто заставляли врасплох.

«Больше никогда», – дал он себе клятву.

До него донесся перестук конских копыт, и из-за деревьев выехали на лошадях три обезьяны. Морис, Ракета и Лука подъехали к нему, мешая жожаку отправиться мстить в одиночку. Всадники остановились в нескольких метрах перед ним, заставив Цезаря нахмуриться и мрачно посмотреть на них. Их появление его совсем не обрадовало.

Это он должен был рисковать, а не они.

«База людей все время меняет свое местоположение, – жестами привлек внимание Цезаря Лука. – Но мои разведчики, кажется, знают, где она сейчас находится. Позволь мне отвести тебя туда».

Ракета отсалютовал ему своим ружьем.

– Я нужен тебе – кто-то должен тебя подстраховывать.

Цезаря их аргументы не убедили.

– Нет, – сказал он твердо.

«Пожалуйста, – жестами попросил Ракета. – Я знаю, что значит потерять сына».

Его идущая от сердца мольба заставила Цезаря задуматься. Эш погиб от руки Кобы, сброшенный с большой высоты, – он отказался выполнить команду и убить беззащитных людей. Цезарь сам не видел, как погиб Эш, это видел Голубоглазый. Зато Цезарь видел, как сильно после потери Эша страдал Ракета, у которого не было возможности отомстить за своего сына, потому что Цезарь убил Кобу.

«Я убил убийцу Эша, – думал Цезарь. – Почему я не могу дать ему шанс помочь мне отомстить за моего сына? И не дать возможности Луке сделать то же самое, что мог сделать Снежок?»

Вряд ли это было честно.

«Я могу не вернуться», – объяснил он жестами.

– Вот почему я здесь, – ответил Морис. – Чтобы ты точно вернулся.

Цезарь понял, что переубедить его друзей невозможно – он сам поступил бы так же, будь он на их месте. Подчинившись неизбежному и в то же время надеясь, что он не приведет их к смерти, он кивнул и повернул лошадь в направлении, противоположном тому, откуда приехал. Остальные обезьяны поехали вслед за ним.

«Теперь нас четверо, – подумал Цезарь, – против Полковника и его солдат. Но с четырьмя обезьянами я пошел бы против любого количества людей...»

Какое-то время они ехали молча, не растрачивая дыхание на разговоры, постепенно продвигаясь вдоль берега на север, пока не заметили прямо впереди небольшую бухту. Холодный ветер сдувал с поверхности бухты воду, отчего воздух казался соленым. Вдалеке пронзительно кричали чайки. Цезарь резко остановился и показал на тонкую струйку черного дыма, подни-

мавшуюся к серому, затянутому облаками небу в паре километров впереди. Обезьяны остановились и обменялись вопросительными взглядами.

«Человеческий лагерь?»

Лука нахмурился, явно встревоженный тем, что они могли там найти. Например, белую гориллу-перебежчика?

«Посмотрим», – подумал Цезарь.

Они поехали по берегу моря в направлении дыма, и наконец наткнулись на заброшенную устричную ферму, расположенную на крутом берегу напротив илистых отмелей на кромке воды. Полуразрушенные лачуги, доки и причалы для лодок потеряли большую часть покрывавшей их краски и заросли береговым кустарником и травой. На песчаном пляже лежала наполовину занесенная песком баржа – ее гниющий киль оброс ракушками. Брошенные легковые машины и грузовики, вместе с частями каких-то ржавых механизмов, медленно поглощались природой. В одном из домов когда-то явно был пожар; случайно загорелось или кто-то поджег – сказать было невозможно. Деревянная вывеска, приглашавшая посетителей, болталась на цепи в раскрытых настежь деревянных воротах при самом входе на ферму. Цезарь предположил, что место стояло пустым с тех пор, как вирус десять лет назад уничтожил всех людей.

Единственным исключением, подававшим признаки жизни, была ветхая хибара, которая, казалось, была в лучшем состоянии, чем окружавшие ее развалины. Из трубы поднимался дым. Цезарь понюхал воздух, но запах дыма перебивал все остальные запахи. Сколько людей находилось внутри и вокруг, сказать было трудно.

Понаблюдав за отжившей свой век фермой с поросшей кипарисами опушки леса, обезьяны стреножили лошадей и пошли к хижине пешком, взяв ружья наизготовку. Они осторожно двигались вдоль грунтовой дороги, пересекавшей ферму, не имея даже предположений о том, с кем могут столкнуться. На земле валялись разбитые устричные раковины, и обезьянам было трудно передвигаться бесшумно, поскольку им приходилось ступать осторожно, чтобы не порезать стопы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.